

Иосиф Бахшиев

ВОЛЬНЫЕ СТИХИ

“Sholumi”

Центр сохранения и развития национальных традиций, самобытности языка,
культурного и исторического наследия горских евреев

Israel, 2018

Центр “Sholumi” выражает благодарность
Президенту Международного Фонда СТМЭГИ
Герману Рашбиловичу Захарьяеву
за содействие в издании этой книги.

Иосиф Бахшиев / Вольные стихи..
Печатается в авторской редакции.

© Иосиф Бахшиев, 2018, Israel
© Центр «Sholumi», 2018, Israel

* * *

Трепетные губы
Шепчут свой интим,
Огненные трубы,
Дней огонь и дым.

Выросли из глуби.
Льды российских зим,
Может думать глупо
Самым молодым.
Жить легко и слепо
Гнаться за судьбой.
Пялиться так в небо,
Быть так лишь собой.
Траурного крепа
Жизненный разбой.

* * *

Я кажется опять поэт
Через пятнадцать кратких лет,
Но старость здесь вокруг меня.
Спасения как прежде нет.

Зачем я проклиная свет?
Куда-то тащит долгий след.
Но нет, не выдержать огня
И ад звенит как горсть монет.

Хор революции гремит,
Богатый бедного громит.

* * *

Великим будь, прошу тебя,
В свирепости людской
И правду без пощады
Передо мной раскрой.

Во всем ли я ошибся
Или во всем был прав.
Я тронул твои клипсы,
Нетронутость поправ.

Я тронул твою душу
И тело не забыл...
Признаюсь, и не струшу:
Я лишь тебя любил.

О многом я не ведал.
Лишь родился и рос,
Лишь знание победа,
А я ко тьме прирос.

То падаю, то слепну
И утешенья жду,
Скульптуру или лепку.
Как друга заведу.

Не мучают кошмары
Или они мой грех?
Гуляют в парках пары
И безмятежен смех.

Мне уж никто не станет
В познание помогать.
В душе моей восстанье –
Где передышку взять?

Нет, я не стал сироткой,
Я был всегда етим.
Одним моим пороком
Останется интим.

* * *

Любовь, любовь случайна
И неизвестно с кем.
Мы разделили тайну
И нет других проблем.

Разгадка недоступна,
Долой мои грехи!
И взгляд мой неподкупный
Врывается в стихи.

НАЧАЛО

Вставал рассвет. Еще дремали скалы
И, отражаясь в глубине реки
Светились горы в золотом овале
Как образ ненаписанной строки.

Поток катился. Каменное русло
Стирали капли. По бокам стена,
Но побратался с дагестанцем русский,
Чтоб обуздать слепого скакуна.

И где лежали скалы, спины грея,
Невероятной дерзости полны,
Решали люди новый день Чиркея
В единоборстве с бешенством волны.

Где бил Сулак беспечною волною,
Морские волны понесут в простор
Тугие паруса, в полдневном зное
Преобразив рисунок грозных гор.

* * *

Где кончается радость, начинается скука
И приходит вражда, если дружба – обман.
Спас меня лилипут – подал верную руку,
Не помог мне в несчастье, солгал пехлеван.

Мир огромен и сложен, как непознанный атом,
Мелок мир и убог, как вселенной края.
Можно жить превосходно, сном тяжелым объатым,
Или трезво скучая, крест нести короля.

Мне однажды любви свет далекий зажегся,
И увидел впервые подлость рядом со мной,
Мир, что ясен всегда, но в плену парадоксов
Ограничен безмерной крутизною земной.

Все во мне сохранится, но рассеян во мраке
Только сам я навек, настигая звезду,
Что однажды мигнула и отброшенный якорь
Отпустил мой корабль, чтоб упасть в высоту.

С прошлым встречусь не раз, о грядущем забуду,
О врагах сожалея, вновь друзей прокляну.
Но погрязнуть в тоске иль довериться блуду
Не позволит любовь, тронув сердца струну.

* * *

Если мир невидимый
Манит по ночам,
Ты березы выдумай,
Чтобы жизнь начать.

Если видишь издали
Лишь песок пустынь,
Не гляди так пристально,
В сердце жизнь впусти.

Чтоб воображение
Волю обрело,
Вспомни отражение
Солнца о брелок.

И от каждой малости
Скудной суеты,
От всего, чем маялся,
Чем лишь кровь студил

Ты дойдешь до вечного
На земле людей,
Чтобы жить доверчиво,
Вновь помолодев.

Если стала смутною
Жизнь, цветы, любовь,
Все сиюминутное
Переделай вновь.

Чтоб цвела заветами
Памяти людской,
Вся земля заведомо,
Полная тоской.

И порывом разума
Розы цвести заставь,
Чтобы жить нам разными
Без погранзастав.

Лишь единой волею
Мысли и добра
Все в запас уволены,
Танки отобрав.

* * *

Я в пустыне доберусь до воды,
Темной ночью я увижу звезду,
Словом, лишь одним отведи
Нашего молчанья беду.
Слезы не прольются с пера,
Все могу себе я простить,
Только бы ты дверь отперла,
Чтобы в сердце солнце впустить.
Можешь ты, как птица, лететь,
Но забыть не сможешь, прости,
На любовь не ставлю я сеть,
Только сердце взглядом прочти.
Напой меня ключевой,
Ледяной водой напой,
Чтоб не позабыть ничего,
Чтобы вспомнить песни мои.

* * *

Молчание бывает самым разным,
Порой оно смущает, словно дразнит
Иль хитрости немыслимой полно,
Иль позою напыщенной смешно.
Молчание несхоже с немотою,
Я твоего молчания не стою,
Уж лучше будь презрительно груба
Иль откровенна и жестока, как судьба
Молчание порой великодушно,
Когда нас правда прямою душит,
Но горло молчаливому сожжет
Сердечной муки ядовитый пот.
Но хуже всех молчанье бессердечья,
Когда ты одиночеством отмечен,
Когда твоя иссохшая душа
Ждет слова нежного, как нищенка - гроша.

За все молчанье ждет нас всех расплата
Безмерной верностью страдающего брата
Великой злобой смертного врага,
Он за твоей спиной, меж вами два шага.
Но если нужно, все же промолчу,
Пьянящим словом горла не смочу.
Молчание, как чай, я буду пить,
Чтобы хмелея боль свою топить.
Не высказать – горчат тоски слова:
Как медленны шаги, хотя их только два.

* * *

Цветы, растущие с букетом несравнимы,
Поскольку живы: дышат, воду. пьют,
Но все, незащищенные, ранимы,
Но все же не для зрителей цветут.
Будь у цветов, как у деревьев, корни,
У нежных были бы острей шипы,
Никто бы их не трогал, непокорных,
О, мнущие цветы, как вы слепы.
И мне их жаль, они свободны слишком,
Нетронутые в тягостной глуши,
Тоскуют по отчаянным мальчишкам,
По первому движению души.
Две крайности – свобода и неволя,
Два выхода – страдание иль смерть...
Вот шепот слабый: «Я сроднилась с болью...»
Вот крик пронзительный:

«Не трогайте! Не смей!»

Цветут в полях иль увядают в вазе,
Они всегда любимы, но любить
Им нужно тоже, хоть не могут фразы
Свободно о любви произносить.

* * *

Я был солдатом даже в жизни мирной,
Ласкал песок, плевал на пышный стол.
Стоял пред слабыми всегда по стойке «смирно»,
Со злыми был немилосердно зол.
Я воду пил из лужи вместе с грязью,
Был другом самых слабых из людей,
Но скверной репутациею связан,
Всегда лишь звался олух и злодей.
Я бешено любил и ненавидел,
На слово честное вовеки не скупясь,
Но был зачислен кем-то в инвалиды,
Чтоб за бесценок чью-то боль скупать.
Неслось над нами черное дыханье
Несправедливости, безумных передраг.
Подали мне снотворное в стакане,
Чтоб сердце редкой рифмой передрать.
Не думая привычным возмущаться,
Не устаю об истине скорбеть,
Но жизнь мою поганило мещанство,
Топя надежду тупостью торпед.
Подводных рифов и усмешек жирных
Перенося кошмары, словно вол,
Когда пред слабыми стоял по стойке «смирно»,
Когда дорогой сострадания шел.

* * *

Забуть свои права, свое имущество,
На бездорожье жизнь начать с нуля
Умеют вдохновленные на мужество
Единственные наши сыновья.
Они уходят голубой распутицей,
Молитвы наши слыша за спиной,

Грядущее придет, настанет, сбудется....
О будущем, мой древний Каспий, пой.
Ушедшие бесчисленные предки
Безмолвны, но молчание таит
Свои неумолимые запреты,
И смелый вызов, и прекрасный стыд.
Я в силах позабыть о жалком праве
Топтать цветы, которые растил,
Когда был предкам добротою равен,
Бредя по бездорожью борозды.
Оставлены и мною в поле зерна,
Настанет день, пшеница прорастет,
И все, о чем мечтали мы упорно,
Откроет детям голубой простор.
Мгновенье я во имя жизни прожил,
На фоне звезд, обласканный землей
И было мне по нраву бездорожье,
Легко дышать, и песни петь зимой.

* * *

Памяти моей провалы
Озаряет яркий свет,
Вспомни, как мы пировали,
Обладатели галет.
Запивали родниковой,
Нашей, горскою водой
Этот завтрак под суровой,
Нежной утренней звездой.
Мы цепочкой шли по склону,
Путь свой песней веселя,
И на пашнях, опаленных
Выводили вензеля.
Может, здесь мы полюбили
Легкое касанье рук,

Может, все мы позабыли,
Может, все мы вспомним вдруг.
И когда взойдет под утро
Юности внезапный сон,
Снова я, как мальчик, шустрый,
Обойду зеленый склон.
Уходить не торопись ты,
Песни снова заводи....
В прошлом были мы туристы,
Ныне в прошлом мы свои.

* * *

Миг отчуждения лишил меня надежды
Услышать снова голос столь живой,
Ты каменно недвижна, вечность между
Мной и тобой, где прежний голос твой?
Я сознаю. что сам уже не прежний,
Мгновенной болью я преображен,
Безумная душа, ты как мятежник,
Что в драке с другом лезет на рожон.
И сердце, переполненное кровью,
Грозит взорваться и убить себя
Как солнце жжет, оно любую кровлю
Сметет, пылая и глаза слепя.
А были мы с тобой как будто дольки
Единого прекрасного плода,
По коридорам жизни буду долго
В безмолвии безжалостном плутать.
Как счастье нас прельщает, но сегодня
О нашей встрече сожалею я,
Я б жил, как птица, смело и свободно,
Не зная, моя милая, тебя.

* * *

Прости, но я письма не напишу,
Не позвоню, не появлюсь внезапно,
Как принц из сказки. Слишком, слишком смутно
Всплывает образ твой из глубины
Той памяти, что мне дана от века.
Но память эта вечная со мной,
Моя любовь мятежная со мной,
Все наши огорчения со мной,
Лишь облик твой расплывчат и неясен
Двух слов тебе сказать я не могу,
Не одолеть мне двух шагов меж нами,
Две песни не сольются, так и мы
Два дальних существа одной планеты.
Любимы, любим, живы, но слепы.
Но голос твой преследует меня,
Но счастье существует для меня,
Но розы расцветают для меня,
Чтобы в чужих квартирах увядать.
Так ливень щедро льется на моря,
Так сохнет древо без единой капли,
Так чуждое дано тебе от века,
Родного лишены мы навсегда.

* * *

Хожу по саду, маленький клочок
Земли родной, праматери единой,
Которая рождает самых злых
И самых добрых, трусов и героев.
Мужчин и женщин – все мы в этом лоне
Скупом и щедром зарождались в муках
Великой нашей матери – земли.
Хожу по саду, ночь сжимает мир

В объятьях мрака, звезды мне кивают,
Летит планета в будущий свой день
Здесь розы отцвели, я с ними связан
Любовью к красоте.
Немые розы, ваши лепестки
Давно истлели.
Но образ красоты во мне пылает,
Горят в душе багровые огни
Любви, что не истлела.
Цветная память мучает меня
Бессмертным сном грядущих откровений,
Огнем отваги, что дарует роза,
Тому, кто помнит.

* * *

Прищурясь, как ящер, мой пращур пещерный
Меня не увидит во мраке вселенной
И лишь постепенно в пустыне безмерной
Грядущее станет искать, несомненно.
Он зорек по-птичьи и слеп бессловесно,
Прекрасный, как песня, неспетая прежде,
Он вечности черной печальный ровесник,
Он жизни опора, он мира надежда.
Он смотрит в меня до таинственной рези
В глазах, что солгать не способны пока что,
А стан его стройный, как жизни отрезок,
Как древней истории четкая мачта.
И все, что он знал, я когда-нибудь вспомню,
Чтоб в нынешний мир возвратиться из странствий,
Чтоб смог я сказать горделиво и скромно:
«Тебя я провидел, потомок мой. Здравствуй!»

* * *

Зачем тебе мое письмо? Слова мои тебе нужны ли,
Когда мгновение любое тебе напомним, как мы жили.
Мы были немymi, как совесть, не различая слов обычных,
Мы грезили невероятным, чтоб пренебречь сугубо личным,
И даже чувств простое пламя подчас казалось нереальным,
Ласкало солнце наши раны, и падал сон дождем печальным.
Пройдут года, тая мгновенья, слова тяжелые затихнут,
И распахнется дверь внезапно, и молвишь ты: « Домой зайди
хоть.»

И в царстве мебели безликой, среди книг от века запыленных
Я снова вспомню о далеких, об архаических законах,
Когда любовь считали счастьем, неувядающей отрадой
Хранили волосы любимой и горько плакали, утратив,
Как будто лишены навеки мечты о жизни и бессмертье,
Что были вложены когда-то листками светлыми в конверты.

* * *

Все наши встречи - повторенье прежних
Свиданий нежных.
Все наши думы – отраженье дальних
Надежд печальных.
Все наши слезы – капли ливней старых
В сердечных сварах.
Всю нашу боль вновь повторит стократно
Поток обратный.
Но так, как было прежде, ни в кино,
Ни в жизни нам увидеть не дано.

* * *

Я ненавижу всех, кто ненавидит ветер,
Взметающий нелепые останки миров отживших,
Уносящий вдаль

Безжизненную желтую траву,
Протухший воздух.
Ветер осуши
Людские слезы все материков
Пои нас ароматом звезд и роз.

Я презираю всех, кто презирает нищих,
Умеющих навеки отказаться
От личных благ, от тягостных излишеств
Во имя блага всех людей планеты.
Великий нищий, кто прослыл от века
Глушом бессильным
Будь мне вечно братом,
Гордясь пустым карманом, гордясь собой.

Среди людей, снующих на земле
Нет близнецов, лишь пристальной взгляни,
Но братья есть по крови и по духу,
Соратники, враги иль антиподы.
Когда-нибудь простой закон природы,
Что свел людей бесчисленные орды
В одну семью, как в Ноевом ковчеге,
Несущемся в пространстве равнодушно,
Сомнения не вызовет ни в ком.

* * *

Моя жена, любимая сегодня
Приснилась мне ясней, чем наяву.
Как долог был тот яркий сон субботний
Я падал тенью взгляда на траву.
Я тень любви, что нас соединила,
Я эхо взгляда, он нас разлучил.
Ты слабость сердца обратила в силу,
Так светлячок два солнца излучил.
Два сына наших. Мне один приснился,

Он был голубоглаз и одинок,
А накануне спать с другим ложился
И улыбался мой второй сынок.
Прости мой сын, ты мне дороже жизни,
Но чувство честное всегда всего сильней,
Ведь свет любви в живую грудь вонзился,
Чтоб мог я вечно видеть сыновей.

* * *

Два моря, слившихся в одно,
Назвали океаном,
Два сердца соединено
Любовью иль обманом.
Два человека- иль друзья,
Или враги навек,
Словами лживыми дразня,
Неволит нас навет.
Слова другие нежат нас
И светят вопреки
Глупцам, что ложью разживясь,
Гноят потоп реки.
Но в самый чистый час любви
И в тине трудных лет
Мне облегчал печали был
Небес пристрастный свет.
И вот сегодня я клянусь,
Что выше всех удач
Ценю лишь истинное, пусть
Сулит оно мне плач.
Пусть ты будешь палачом –
Есть участь пострашней,
Когда я в жизни был мячом
В игре чужих людей.

* * *

Я –кинжал, эти ржавые ножны
Стали мрачной моей тюрьмой
Но колючек коснусь осторожно,
Розы, смазанной жирной сурьмой.
Хоть не ранить кинжала колючкой,
Розу блеском ласкает сталь.
Как ты, роза прослыла злючкой?
Как я смог испытать печаль?

* * *

Дом, увитый виноградной лозой,
В непогоду роз усыпан лепестками,
Запах ветра обдавал мое лицо,
Был я нем, как будто сердце склепом стало.
Сколько горьких похоронено надежд,
Сколько радости промотано беспечной,
Сердце времени страданием надрежь,
Чтобы выдержали тушу неба плечи.
Кружат голову цветы в моем саду,
Никуда от материнских лоз не деться,
Неподвластно это прошлое суду,
Но и старость не склоняется пред детством.
По пустыне мы играючи пройдем,
Но по улице плетемся неуклюже.
Было море – показалось мне прудом,
Показалось океаном - было лужей.
Ну, а если о мечте припомню вдруг,
Если формулу любви искать посмею,
Будут розы вновь плескаться на ветру,
Чтоб к истокам возратить меня посмертно.

* * *

Печальных песен жгучий аромат
Нас посещает в одиноком плене
Когда поэты нехристей громят
За вынужденные дни уединенья.
Над миром бесконечная тропа
Моих неустомительных ошибок
Все вместе называется судьба,
И нет непонимания улыбок.
Освистывать несложно, трудно – петь,
Хотя душа заброшена в чулане,
Где каждый жест сулит нам только смерть
И рифы незаметные в тумане.
Я верю правде, значит, знаю жизнь,
Себя люблю, поскольку добр со всеми
И говорю себе: дерзай! Держись!
Так в сердце зарождается поэма.

* * *

Слов беспечных перестук-
Словно дятла клюв пронзает
Сердце. Эту бересту
Я в костер любви роняю.
Ветер, только дым развей
Верности от века мнимой,
Чтобы быть мне для друзей
Незабвенным анонимом,
Чтоб слова, как кровь, текли
По прямой, без третьих ампул,
Пусть бесценный сок земли
Не стекает краской с рамп.
Только б чуждые уста
Наших чувств не оскверняли!

Видишь ли, что кровь густа,
Отвечай, - душа верна ли!
Вспоминаешь ли теперь
О любви моей рыдая –
Почему ж, захлопнув дверь,
Ты глядишь в окно, родная?

* * *

Безумен природы бессмысленный сон,
Покуда из недр бесконечных
На свет не появится некий Назон,
Проклявший копьё наконечник.
Быть может, оружием древним убит
Был родич его иль невеста,
Угодник правителя стал знаменит,
Назон лишь позором известен.
Но если бы римский Октавиан
Ценил не слова, а поступки
Увидел бы в одах хвалебных обман,
Навеянный ветреной юбкой.
И понял бы он, что поэтам любым
Не чужды земные утехи,
Хоть вечно тщеславия тягостный дым
Их гонит от счастья к успеху.
И если б немного любил он стихи,
То стала бы правда понятна
Тому, кто достоинства счел за грехи,
А розы травил, словно пятна.
Поскольку же был он в душе подхалим,
То славил себе лишь подобных.
Традицию ту на века подхватил
Отряд краснобаев подсобных.
Но каждый из них от природы хитер
И пламя таланта живого

Откроет правителя стыд и позор
Звучанием вечного слова.
Века отмечают бессмысленный хлам,
Безумные оды обмана,
И снова Овидий является к нам
Чтоб высмеять Октавиана.

* * *

Человек без планеты ничтожен,
Но Земля без людей помертвеет
Жизнь – как ветер, а память – все,
Все проходит, но память – на что же?

Нам без прошлого дня бы не выжить,
Только память бывает трамплином.
Не люблю я разлук торопливых
И прощанья навек ненавижу.

День, грядущий неслыханно дорог
И не всем достается он, ибо
Тот поныне из жизни не выбыл,
Кто когда-то был смел и задорен.

* * *

Вас выставляли напоказ иные,
Другие мяли. Вами торговали....
Но розы, золотые, неземные,
Лишь любоваться вами забывали.

* * *

В вечернем сумраке из кресла
Возникла тень. Промчатся годы,
И будет так, что жизнь воскресла
И скажет: «Ты для счастья годен».

* * *

Я люблю золотые глаза,
Молчаливую эту нежность,
И словами поведать нельзя,
Как бесплотна вселенной вечность.

* * *

Боль внезапна, как разлука
Двух навек соединенных,
Молчаливых, убеленных
Лунной сединою звука.

* * *

Кровью хлещет звук из горла,
Перерезанного болью,
И над медным ртом гобоя
Скрипка свой смычок простерла.

* * *

Ясноликая, свет мой вечерний,
Ты пришла на закате ко мне
Не кометой пустых развлечений,
А любовным молчаньем камней.
Каждый камень на горной дороге
Незатейливой жизни моей
Помнит поступь веселой и строгой,
Той, что с каждой утратой милей.
В этом доме хранятся преданья
О грядущем. Здесь грезили мы.
Я юнцом пред тобою предстану,
Хлеб разлуки сухой разломив.
И надежда дарила нам смелость
И служа бескорыстно добру,

Я твердил тебе: «Милая, смейся,
Жизнь я кровью своей удобрю».
Наших снов золотая истома,
Песней юности ясной звеня,
Изгоняла печали из дома,
И о счастье шептала земля.
Неземная мелодия почвы,
Шелестя голосами листвы,
Заменяла нам таинства почты
И роняла стихов лепестки.
Мы прощались внезапно и сразу,
Усмехались при встрече слегка,
И ложились прекрасные фразы
Сединой ослепляя в слогах.

* * *

На землю плод скатился, не успев
Насытиться земною сочной кровью,
Не заслужив садовнику успех,
Прорвавшись сквозь зеленые покровы.
Мне показалось: катится звезда
Вниз по лучу, сквозь ночи мех соболий,
Цепляясь за пространство и связав
Два мира умирающей, собою.
Я слышу звук, паденье и отпор
Земли огромной и стоящей жёстко,
Так вечность повторяет свой отбор,
Кому цвести, кому сиять столь броско.
И вспомнилось мне: перегной взойдёт
Прекрасными деревьями, что скрыты
В плодах, упавших. Мы уйдём, зато
Узнают дети вкус плодов забытых.
Когда ошеломляет новизной

Безмерный небосвод нас вновь под вечер,
Которая из звёзд в зенит взойдёт
Какая канет? Нет, я не отвечу.
Когда весною первые плоды
Прорвутся к свету, древу неизвестно,
Что суждено одним сады плодить
Что выпало другим смеясь, исчезнуть.

* * *

Погоди, моя память, со мною побудь,
Останься любимая, друг стародавний

Та, что со мной разлучена
Завесой времени тяжёлой,
Ты сниться мне обречена,
Ты с памятью обручена,
Как золотистой нитью жёлтой,
На все былые времена.

Нет безысходней лабиринта,
Чем этой памяти узор:
У драмы тоже есть финита,
Стой с головою непокрытой.
Но выкрик: «Трупы уберите», -
Он для живых – укор.

Для тех, что Гамлета любя,
Всё ж молчаливо наблюдали,
Как измывается толпа
Вельмож, концовку торопя,
Они бездействуют, скорбя,
А принца в забытьё втоптали.

Томительней не знаю драмы,
И памятью моей клянусь,
Что были бы мертвей ядра мы,
Когда б над красными кострами
Не пролетали мотыльками
Под бурей честных чувств.
Не жертвой были мы с тобою,
Когда на ощупь и на звук
Шли за пронзительной трубою
Любви, но боль была тупою
И смех звенел, как латы боя,
Так принцев не зовут.

И личных не было обид,
Поскольку каждый шаг в дороге
Был честен, а не знаменит,
Но славой честь не заменить,
Но может, сам Шекспир следит
За нами, словно автор строгий.

* * *

У каждого чувства от века свой цвет
И белое с чёрным враждует от века
И чтоб наша молодость подлость отвергла
Нам надо пожаром багровым отцвесть.

Хоть наша эпоха – эпоха побед
Любви над обманом и веры – над злобой,
Все наши мосты наводненьем снесло бы,
Когда б мы не смели подставить хребет.

И в тяжкой борьбе за победу добра
Над чёрной бедой и над чёрным обманом
Мы только живых иногда обнимаем,
А трупы... успели б друзья подобрать.

* * *

Не гарцуют давно дагестанцы
На прекрасных своих скакунах,
Изучил современные танцы
В отдалённом селенье кунак.

И тоскливые песни отныне
Не услышишь в весёлых горах.
Зацветает моя Палестина,
Красным заревом маков горя.

Но когда раскалённое лето
Душным зноем стекает со скал,
Вдруг напомним о битвах планеты
Крепостей непокорный оскал.

Хмуро смотрит из каждой бойницы
Зоркий предок, забытый герой,
И отброшенный враг побоится
Повторить свой маневр под горой.

И цветут виноградные лозы
И дарует плоды нам земля,
Чтобы петь, чтобы жить, чтобы слёзы
Только снегом бросала зима.

Чтоб тоска не сновала зверьками
В закоулках, где гаснет очаг,
Что там памятник – память сверкает
В человеческих вечных очах.

Поэма Хокку¹

Каждый волос твой – моя печаль,
Каждая улыбка – неожиданность,
Лишь разлука объяснит мне всё.

Голос твой как света яркий луч,
В темноте он освещает путь,
Но порой спит....

Если солнца луч такою силой
Обладает, каково само
Ты, необъяснимое светило?

Песни пела ты. Ещё
Плакала со мной, но равнодушной
Рядом ты ни разу не была.

Я б хотел в презрение поверить,
Я б хотел любовь твою постичь,
Ты воздвигла каменную стену.

Куст любви мне кажется огромным,
Дерево вселенной перед ним
Так ничтожно.

По ступенькам не взойду к тебе,
И тебе с вершины не сойти,
Поцелуй меня движеньем взгляда.

Я хотел коснуться щёк твоих,
Но меж нами заматались тени
Мной воображаемых обид.

¹ Хокку – японское трёхстишие

Я тебя за гордость не виню,
И за слабость, нет, не проклинаю,
Только помни: может ложь убить.

Крыша дома словно крыша мира,
Звёздный дождь стучит в моё окно.
Просыпаюсь – это сердца стук.

Ты стояла у раскрытого окна,
Я, лица не видя, видел слёзы,
Кровь заката обожгла тебя.

Этот сад, в котором мы встречались,
Был необитаем: разве розы
Могут человеку быть равны?

Много звёзд на горном склоне неба,
Много роз моя земля вскормила,
Ты – одна из многих, но – моя.

В губы не целуй – тоже лгал порой,
Руки не ласкай – и к ним пристала грязь,
Сердце это бойся потерять.

Вдалеке от родины моей,
Я в твоих глазах увидел тонкий
Силуэт горы на фоне неба.

Если ты со мной, в любой дороге
Я не одинок, с тобою вместе
Рядом родина смеётся и поёт.

Каждый жест твой – оперенье рифмы,
Рук прикосновение – поэма.
Это ты творишь мои стихи.

Наша молчаливая печаль,
Шумный гнев и робкое презрение –
Отражение чувства моего.

Всё, что знаю о тебе, - поверхность моря,
Но в тебе, великой, тайны жизни,
Тайны счастья, мне не разгадать.

Весь я твой – дитя моей любви
Раб твоих раздумий молчаливых,
Сожаленьем не казни отца.

Для чего земля родит цветы?
Всё срывают, лишь звезда сама
С неба сорвалась в мои объятья.

Правду о любви читай в глазах,
В сердце всё увидишь и в стихах,
Ложь возможна только в разговоре.

Губ твоих раскрыты лепестки
Лишь в мгновение грусти и любви.
Как твоё молчанье нестерпимо.

* * *

Словом, нежным и лаской обмануть меня нетрудно,
Добрязком притвориться и обмануть – нетрудно,
Но купить за грош золотой, за похлёбку отборную,
За золото мира, за славу – о, нет, невозможно.

Многие могут похвастать, что ими я был обманут,
Многие могут твердить, что видели меня одиноким,
Но ни один на огромной земле утверждать не посмеет,
Что хоть, когда- либо был я предателем правды,

Что хоть разочек был я подателем лжи,
Можно меня уничтожить, изменить невозможно.

Был от рожденья слепым – таковым остаюсь и поныне,
Нищим всю жизнь пребывал – таковым остаюсь и
поныне,
Года уходят пускай, жизнь покидает меня,
Был человеком всегда – таковым остаюсь и поныне.

* * *

Мечта несётся в алых парусах
Фантазией неистового Грина.
Такой чудак, он шхуну обряжает
В шелка и бархат, заставляет плакать
Людей, пропахших ветром и морями,
Он заселяет розами пустыню,
А в сердце мёртвом поселяет жизнь.
Старик, дымящий трубкой, весь в морщинах,
Вдруг рассмеётся, как ребёнок малый,
Монах влюбиться может, а безумный
Откроет истину в своих виденьях мрачных.
Я вновь пленён бегущей по волнам,
Меня любовь несёт на крыльях страсти,
Чтоб безрассудный подвиг совершить
Во имя счастья, что звездой далёкой
Внезапно загорится в тёмном небе.
Меня ведёт дорога в никуда,
В неведомое путь меня заманит,
Что истину искать в ночах бессонных,
В глуши домов, в космических просторах,
В горах уединенья моего,
В степном раздолье разума и веры,
А более всего – в воображенье,
Что может изменить вселенной облик

Одним движеньем чувства моего.
Но золотая цепь земли любимой,
Земли заветной, родины огромной
Связует память о земных заботах
С фантазией неистового Грина.
И вновь мечта несёт планету нашу
На вдохновенья алых парусах.

* * *

Мне нужен голос твой певучий –
Дыханье сердца моего,
Лишь зависть недруга подучит
Спускать собак на мотыльков,
Но ты, мелькнув звездой падучей,
Погубишь бога самого,
Чтоб осветить разлукой жгучей
Двенадцать скорбных медяков.
Не подходи ко мне печалью,
Ведь я пресытился давно
И помощи сверкнувшей сталью,
И темным таинством кино.....
Ты защитись враждебной далью,
Будь как запретное вино.

* * *

И я решил, чтоб ты исчезла,
Ничья, свободная, как свет,
Когда закован был я в кресле,
Наказанный за правды бред.
Тебя бы потерял я, если
Во мне погиб живой поэт
И недруги мои воскресли
Чтоб заслонить твой силуэт.
Нет, никогда со мною рядом
Тебя не мог я ощутить,

Чтоб встретиться с открытым взглядом,
И любоваться, и шутить,
Ты в сердце поселилась ради
Надежды нашей просто жить.

* * *

Нам время посулило выбор
Между любовью и бедой.
За вдохновение «спасибо»
Твердит поклонник твой седой.
Так не зови меня гарибом,
Не разрушай мечты святой,
Недостижимой станешь, либо
Померкнет сон мой золотой.
Благодарю тебя за гибель
Моих ошибок и обид,
За всех дорог моих изгибы,
За чувства твоего зенит,
Покуда из любви не выбыл
Мой стих в твоих мечтах звенит.

* * *

Мы вернёмся, но больше любви не бывать,
Мы пребудем вовеки, любовь не вернётся отныне.
Помнить долго учился, учусь забывать,
Всё, что жизнь мне дарила, навеки отнимет.
Но когда-нибудь вспомнится эта разлука
И забудется встречи печальный финал,
И вернётся ко мне наслаждение и мука
Заглядеться в стакан золотого вина.
Так однажды сулила мне эта судьба,
Так когда-то глядел я в лицо молодое,
И в глазах твоих видела юность себя
Неизменной улыбкой, печалью медовой.

Но не в силах терпеть я унылый, слащавый,
Убивающий молодость, искренний взор,
Эта смута потребует вновь послушанья,
Нет, уж лучше разлуки безумный костёр.
Так терзался я в муках разлуки и встреч
И метался в плену меж свободой и счастьем,
На зелёной траве, на багровом костре,
На планете, разломанной жизнью на части.

* * *

Я в жизнь пришёл в базарный день,
Метались люди оживлённо,
Чтобы оценивать в миллионы
Мою замызанную тень.
Но я не стою ни гроша,
И каждым помыслом бесценным
Я отрицал законы сцены,
Любовью к истине греша.
И жизнь, лишённая цены,
Мне показалась первозданной
Без суеты и воздаяний,
Без вынужденной тишины.
И билось сердце, пело песнь
О будущем моей планеты,
А рядом звякали монеты,
Храня изысканную спесь.
Менялись люди «баш на баш»,
Таился волк в овечьей шкуре,
Сеидом притворился шулер,
А мизантроп гремел в набат.
И я заснул, чтоб рассмотреть
Детально этот странный хаос,
И рынка рёв, в мой сон врываясь,
Укоротил мой век на треть.

Но, что увидеть я не смог,
Что наяву непостижимо,
Постиг уснувший одержимый,
Прелюбодей, червяк иль бог.

* * *

Если дружба дается на несколько лет,
За любовью разлука приходит вослед,
Значит, с ночью смешается зябкий рассвет
И с отчетливой речью томительный бред.

Но когда и вдали не изменят друзья,
А любимая ждет возвращенья грустя
Значит, песня права и разлука легка,
Если веру твою не продали с лотка.

Помни!

Когда усталость будет бить в виски,
Проснувшись ночью, выйди на балкон.
Там звезд пределы слишком высоки,
Чтобы напомнить сердцу о былом.
Попробуй приподняться и слегка
Коснись вселенной каждым нервом рук...
Ты чувствуешь: безмерность увлекла?
Ты понимаешь: звезды не умрут?
Умрет лишь мимолетная печаль
Забот случайных и пустых обид,
Но вдохновенье светит по ночам
И вечным блеском звезд сердца знобит.

Жизнь моя

Я много книг прочел
В свои уже за тридцать,
Могу наперечет
Пересказать страницы.

Страшил меня финал
Немыслимых трагедий,
Когда строфой звеня,
Нагромождают беды.

Хотя почту за честь
Быть среди жертв и трупов.
Но не смогу засесть
За драмы звонкий рупор.

Я отдаю добру
И силу рук, и душу.
Привязанность к добру
Мечты мои не душит.

И в светлых вскриках книг
Мне становилось ясно,
Что жизнь создать за миг
Стихов – удел прекрасный.

И жизнь моя текла
В тумане вдохновенья,
Но не держал стекла
Меж сердцем и мгновеньем.

Мне грезились миры
Шекспировых фантазий:
Ты не читай – смотри,
Чем он с тобою связан.

И твердо знаю я,
Что в мире человечьем
У нас лишь жизнь одна,
А мир огромный вечен.

И ясно мне сейчас,
Что жизнь всего лишь малость,
Но каждому из нас
Быть «в том числе» досталось.

Мне думалось, что зло
Заключено в ударе,
Что возглас: повезло! –
Счастливому подарен.

И малое дитя
Свинца лишь опасалось,
Но ведало стыда
Свинцовую усталость.
Я знаю, есть страшней
Губительные беды,
Когда с тобой нежней,
По случаю победы.

Победа над собой
Мне нелегко досталась,
Когда самой судьбой
Я взыскан был за жалость.

Но слабому в пути
Я не бросал перчатку
И не просил: пусти,
Когда ломали в схватке.

У каждого из нас –
Теперь я понимаю –
Есть цель и есть приказ
И просьба есть немая.

И личные пути
Любого человека
Ни в книгах не найти,
Ни повторить от века.

Но все, что полюбил
И что возненавидел-
И боль свою, и пыл
И радость, и обиду,

Я книгам подарю
Всё сердце без остатка.
С добром поговорю
И брошу злу перчатку.

Тому, кто боится свободы

1

В этом мире закрытых дверей,
И замков, и ключей, и оград
Держат люди собак во дворе
И какие-то вещи хранят.
Ты сдуваешь, сердясь и сопя.
Пыльный след с дорогого добра...
Милый мой, поберег бы себя:
Нет хозяев других у ковра.

Держите открытыми двери,
Свобода не сдует уют,
Не спрячется враг в шифоньере,
А вора силком приведут.
И если распахнуто сердце,
Сомнения черви умрут,
А все потаенные дверцы
В ненужном сарае сгниют.

ПОСВЯЩЕНИЕ

Звон монеты золотой
Будоражит мир веками,
Этот мир немолодой,
Опоясанный витками.
Продавали труд и пот,
Тело, молодость и душу
И вершили оборот
Судьбы и надежды руша.
Даже кровную сестру,
Мать единственную даже
Уступали серебру
В удивительной продаже.
Продавали по частям,
В розницу, а чаще разом
Целомудрие и срам,
И безумие, и разум.
Так и жили на земле.
Сто веков работоторговли
Нас измазали в золе,
Но встанет над мира кровлей

Золота иного свет –
Солнце будущей победы
Над бессилием монет
Чистый кислород отведасть.
И за то, что в наши дни
Мы смеемся над корыстью
Поклониться все должны
Тем, кто был в борьбе неистов
Кто на смерть и муки шел
И пожертвовал собою
Ради наших светлых школ
Против рабства и разбоя.

* * *

Развлекаясь и томя,
Меры в радости не зная,
Ты заставила тома
Исписать меня, родная.

Но и пьяная строка
Над тобою будет властна,
Если станешь ты строга,
Одинока и безгласна.
Так любовь моя с тобой
Связана любою фразой,
Словно дом один тропой
С домом отдаленным связан.

Весёлые раздумья

Умного заботы веселят,
Глупость огорчает мудрецов.
Кто к огню любовью воспылать
Заставляет легких мотыльков?

Кто дворцы без нужды воздвигать
Научил ничтожных муравьёв?
Кто задумал звезды высекать
В самом непонятном из миров?
Сто вопросов мучают и злят
Автора моих земных стихов.
Кролику мерещится салат
И предел его мечты – морковь.
Лишь святоши согрешить велят
Явной фальшью лицемерных слов.
Умный должен дурака валять:
Умничать глупец всегда готов.

* * *

Долго служишь, солдат,
Листья сыплются с веток
И седин снегопад
Не сравнится с рассветом.

Ты грусти обо мне,
Вспоминая почаше,
Что в родной стороне
Ждет цветок тебя в чаще.

Но моя седина
Пусть тебя поторопит,
Чтобы выпить до дна
Сердца колющий шепот.

И за годы разлук,
За века ожиданья
Дай мне выпить из рук
Счастье честною данью.

МЕНЯ ПОСЛУШАЙ...

Отбрось сомнений вздор бездомный,
Когда идешь со мною радом,
Когда доверием пылает
Моя усталая душа.
Забудь тревожную поклажу
Хитросплетений лиц бездушных,
Когда моей любви коснулась
Твоя холодная рука.
И если вышла ты со мною
На эту улицу под ливнем,
Не замечай колючих капель
Неугомонного дождя.
И если всё ж любовь возможна,
и если ты любви хотела,
я о любви не умоляю,
прошу, поверь моей любви.
Сто тысяч раз произносили
фальшиво, к слову и некстати,
не доверяли, предавали
и были слепотой горды.
Но не стыжусь высокопарной,
красивой силы слова жизни,
безмерной боли слова счастья,
короткого, как смерть, - «любовь».
Я повторю тебе под вечер
Поэмой чувств одно лишь слово,
Все остальное — только эхо
Неповторимого: «люблю».

* * *

Пухлые почки на древе любовном
В жизни моей распустились не в срок,
И, возмущенный обманом греховным,
Я твое сердце читаю меж строк.

Это письмо на века запоздало,
Жили мы рядом, но думалось мне:
Женщина эта со мной не звезда ли,
В небе светящая голубизной?

Ты оказалась такою земною,
Мне и не снилась такая любовь:
В кресле соседнем, рядом со мною,
Вижу сиянье звезды голубой.

Ты мое небо – так голову кружишь,
Раньше казалось, мы просто друзья...
Впрочем, теперь ты со мною не дружишь:
Ведь без обиды влюбиться нельзя.

* * *

Я тебя отыскивал повсюду,
От любви моей сбежать ты не смогла
Ты прости меня за пересуды,
Те, что ты стихам моим дала.

Ты послушай взгляд мой молчаливый,
Если незаметно посмотрю,
Но тебя увидеть несчастливой
Больно, разлучаясь поутру.

Путь мой каменист и непригоден
Для прогулки и простых речей,
Только ты не думай о погоде
И не верь, что стану я ничей.

* * *

Любовь к ушедшим – как она бессильна,
Хоть и любовь к живым таит беду,
Но пребывать в покое инфантильном
Несноснее, чем мучиться в бреду.

Жить с нелюбимым человеком о бок
Страшней, чем одиночество юнца,
Который с девочкой своею слишком робок,
Но ждет её признанья до конца.

И будет для него легка разлука,
Поскольку он уверен, что в ночи
Никто не сможет выстрелить из лука
В его любимую, чьи руки горячи.

Чьё сердце нежное навеки с ним пребудет,
И всех он ближе даже и в мечтах
Той, что кормила непорочной грудью
Его ребенка недругам на страх.

И если нас свела судьба случайно,
Прошу одну лишь милость у судьбы,
Чтоб дети наши не встречались тайно,
Но были на признанья не скупы.

И всё, что нам дано ценою жизни,
Пусть возьмут, не мучаясь, как хлеб.....
Пусть раскроет чувств дороговизна
Глаза тому, кто от рожденья слеп.

* * *

Золотую не вешал цепку
На прекрасную шею твою,
Обнимая руками крепко,
Сердцем с сердцем твоим говорю.

Если ж ты не услышишь песни
В неумолчном молчанье моём,
Значит, слишком нам стало тесно
В этом крохотном мире вдвоем.

Но когда я уйду надолго,
Песню в сердце своём прочти.
Лишь поранить боюсь осколком
От разбитого сердца, прости.

СОНЕТ

Какая свежесть брошена дождём
На спящий мир цветов и ребятишек!
Но мы без сна до света доживем,
До первых звуков и четверостиший.

Прислушайся, любимая: наш дом,
Готовясь к шуму дня почти не дышит.
Вот солнца луч срезает, как ножом,
Ночную мглу. Но сердце бьется тише.

Иные звуки над живой землей
Возникли, заглушая вдохновенье.
Все скрытое от глаз моих за тьмой
Явилось ветра легким дуновеньем
И детским смехом. Лишь полдневный зной
Напомнит ночи мертвое мгновенье.

* * *

Мне жаль, что не дожил Есенин
До нас, до грядущих звезд.
Он был бы сейчас степенен,
Но все ж гениально прост.

Он жил бы серьезней и тише
И все ж мы читали б навзрыд
Дрожащие четверостишья,
В которых любовь звенит.

И в сонме людей современных
Остался бы он звездой,
Великий, но неизменный,
Понятный, но не простой.

Но если б до нас он дожил,
Он стал бы совсем иным
И жизнь свою подороже,
Наверное, оценил.

И если б он жил иначе,
Не стало бы песен тех,
В которых его удачи,
И горечь его, и смех

Хотя, не стерпев, сожалений,
О муках его скорбим,
Нам дорог Сергей Есенин,
Ушедший в стихи, как дым.

* * *

Я не буду с тобой откровенен,
Нежных слов не услышишь, не жди!
Как мучительно было мгновенье
Равнодушья, что горче вражды.

Я молчу при тебе не в отместку,
Просто слова мне не отыскать,
Что могло бы сорвать занавеску
С глаз твоих. Будь моею, тоска!

Что ж, цветы, словно мак пламеня,
Забывая, что где-то вблизи
Одиноким стволom каменею
Многолетней бесплодной лозы.

* * *

С тех пор, как умер мой отец,
Прошло двенадцать лет
Двенадцать долгих, как, один
Всей нашей жизни год
Но падал снег, а не свинец
На драгоценный след,
И светит мне твоих седин
Холодный жгучий лед.

Прошло двенадцать долгих лет,
Тебя все нет как нет.
Не постучишься ты в окно
И не откроешь дверь.
И жизнь, что прожита давно,
Не повторить теперь.
Метель твой заметает след,
Тускнеет твой портрет.

Двенадцать лет ты снишься мне
И все твои слова,
Что скажешь мне наедине,
Целебны, как бальзам.
А над тобой шуршит трава
И новый день встает,

Но не взглянуть твоим глазам
На синий небосвод.

О, память дряхлая моя,
Ты жалишь, как змея,
Двенадцать лет в моих глазах
Сиял его портрет.
Как будто у него в гостях
Я был двенадцать лет,
И в сердце след не заметет
Зима моих забот.

* * *

В жизни можно твердить, что люблю,
И таить свою ненависть можно,
Райским садом назвать кабалу,
Огибая углы осторожно.

Можно белое черным назвать,
Уверять, что ты предан неверной,
Пышным словом скрывая развал,
Притворяясь супругом примерным.

Но в стихах притвориться нельзя,
Но стихами солгать невозможно,
По бумаге рукою скользя,
Отпечатки оставишь ты все же.

Может, ты не заметишь и сам,
Что себя выдаешь ты невольно:
Различаются по голосам
Все стихи, что всегда бесконтрольны.

Баллада о цвете

Какого цвета людская надежда?
Быть может, желтый солнечный цвет.
Все обещает, но счастье, где ты,
Какую ты выбрало в сонме планет?

Цвета какого безмерная вера?
Может быть, неба голубизна?
Сменит ненастье и черные ветры
Чашу страданий людского без дна.

Чем ты расцвечена память планеты?
Кровью сочится от века она,
В кровопролитье вина не кометы
А человека прямая вина.

Молодость мира, какого ты цвета?
Может быть цвета весенней травы.
Сквозь перегной обветшавших заветов,
Вы прорастете, вы вечно правы.

Счастье, ответь мне, ты цвета какого?
Я фиолетово точно сирень.
Вырубишь куст и окрасишь багровой
Кровью заката свой будущий день.

И у себя вопрошаю, волнуясь,
Ну, а любовь, отвечай, какова?
Что мне ответить, любя и ревнуя,
Словно дальтоник, забыл я слова.

* * *

Иду по следу памяти моей.
Под вечер небо озаряет радость,
И ночью звезды подают надежды
Недолговечный, но извечный свет...
О, сердце глупое, едва увидев мир,
Погибло ты, коль жить умом старалось!
О, разум черствый, грош тебе цена,
Когда ты сердца слушался весь век.

* * *

Как страшно птицы распевают,
Когда меня тоска сжигает.
Их равнодушный пересвист
Как перестрелка на дуэли
Как звон бесчувственных монист,
Как достижение жалкой цели.

Это давнее утро снова восходит,
Где-то двойник мой веселый бродит.
Это не я обнимаю деревья,
Это не я пустоцветы целую,
Нет, не любовь – это только поверье,
Только поветрие, только поветрие,
Но никогда не вернуть мне другую.

Ту настоящую, а не поддельную,
Ту настоящую, цельную, смелую,
Ту, что без трещин хрустального сердца
Взглядом целует и молча ревнует.
Прошное... Нет, никуда мне не деться
От безразличия, от поцелуев.

* * *

Я вызываю в мыслях образ твой,
Он снова мне становится привычным,
И все, что прежде мне казалось личным,
Воскресло нашей общею судьбой.

Твоя любовь была мне безразлична,
Когда я отдалялся от тебя,
Но сердце отчуждением губя,
Я становился мертвым и безличным.

Когда чужая гомонит толпа,
Безумием опутанный без меры,
Я мысленно к тебе раскрою двери,
Грядущее свиданье торопя.

Тогда лишь ясен горький вкус потери,
Когда разлуку поборов в себе,
Я брошу вызов жизни и судьбе,
В твою любовь далекую поверив.

* * *

За прибрежной волной, за чертой голубой горизонта
Затаилась любимая, голос лишь сердцем я слышу.
А в моей повседневности колокол нудно трезвонит
В этом мире, заполненном сам я кажусь себе лишним.

Но когда возвращенье столкнет нас с тобой у порога,
Обретает весь мир настоящий, свой истинный облик.
И становится ясно, что все здесь продумано строго,
Все на месте своем, и себя обретаем мы оба.

* * *

Умных войн не бывает, но глупее придумать нельзя,
Чем война с человеком, которого любишь веками.
Но о разуме речь не пристало вести нам, друзья,
Коли женщину любим безумно, а не развлекаем.

Глупых слез не бывает, но самые умные те.
Что имеют причину под небом беззвездным.
Горек вкус их всегда, но горче других в темноте
Одинокие звезды, когда передумать уж поздно.

Как глупа ты война, как умна ты, любовь, но вложить
Жизнь в единого слова комок невозможно, увы,
невозможно.
А в моем бытии лишь боюсь пребывать я во лжи,
Все иное терпимо, хоть будет неслыханно сложным.

* * *

Я не люблю ходить на панихиды,
Когда слеза заказана судьбой
Когда все люди сумрачно и хитро
Свидетельствуют в драме мировой.
Я не могу смеяться из-под палки,
Когда объята пламенем души,
Когда страдают похотью весталки,
Желание молитвами глуша.
О мудрости глупца твердить мне трудно,
Поскольку разум только в правде дан,
Поскольку беззаботны только трутни,
И горем лишь вознагражден Дедал.
Нет, чувства своего я скрыть не в силах,
Мне бьет в глаза прозренья резкий свет.
И если б ты со мной навек простилась,
То не узнала б: просто я поэт.

* * *

Мне сказали, что заря,
Расцветающая в небе,
Лишь энергии заряд,
Рвущийся в пространство слепо.

Мне твердят, что небосвод
Есть скопление разных газов,
А стихи лишь перевод
Всех рефлексов темной фразой.

Почему же красоту
Только человек заметил,
Все готов отдать за ту,
Что одна в числе несметных.

Несъедобные цветы
Почему-то нас тревожат.
Не припомнишь разве ты
На кого они похожи.

Как весною почки мнут,
Бредят песней до рассвета...
В этих самых почему
Скрыты новые ответы.

* * *

Я знаю, мертвому помочь уже никто не в силах,
Но память бедная, она всегда со мной.
И если в сердце нож судьба моя вонзила,
Какая радость боль мою сомнет?
Когда навеки с человеком расставался,
Мы друг для друга стали вдруг мертвы.

И все твердил я: другом раз ты звался,
Зачем твой труп в душе моей смердит?
Его походка легкая так странно
Напоминала поступь похорон,
И ложь прозрачная его речей пространных
Звенит в душе как погребальный звон.
Но зная правду о погибшем друге,
Как мне забыть, что были мы дружны.
И, в памяти протягивая руки,
Я знаю, мертвым братья не нужны.
Но сознавая благодать потери
И за нее судьбу благодаря,
Я в памяти распахиваю двери
Вновь для него, едва взошла заря.

* * *

Тоска моя так велика,
Что в сердце ей мало места.
Куда ты меня увлекла
Всей жизни моей невеста.
Разорванные края
Вселенной теснят обманом.
Хотелось, душой не кривя,
Тебя величать тюльпаном.
И все цветы на земле
Хотел я сравнить с тобою,
Но может ли мак заалеть
Под выжженной болью степною?
Мечтать о тебе хотел,
Как древний поэт о звездах.
Но был я в земной беготне
В числе на кресте простертых.
Я думал сравнить с луной
Твой лик словно лирик восточный,

Но был в этот век слепой
Лишь камнем в канаве сточной.
Теснили меня облака
Тоской наших встреч последних...
Как странно в слова облекать
Любви этой облик бедный.

Кошунствуя, молюсь...

Ты мне прости, господь, бесчеловечность чью-то
И все грехи чужие ты мне прости, господь.
Меня прости за то, что был я слишком чуток,
За то, что так томилась моя тугая плоть.
От самых ложных снов и слишком ясных истин
От легкости в любви меня, господь, спаси.
Пусть буду нищ, но чтоб был вечно бескорыстен –
О, боже сделай так, как я тебя просил
Кошунственна моя бесстыдная молитва,
Но люди мне простят мой откровенный слог.
Ах, милая моя, поверить, как могли вы,
Что я забуду вас – я человек, не бог.
Кошунствуя, молюсь, кому не зная даже,
Как с другом говорю, который всемогущ,
Но ночь ко мне пришла, и звезды встали стражей,
Хранители судьбы, сторожевые душ.
И отраженьем звезд мои пылают чувства,
И вдохновенный сон диктует мне стихи.
Бессонная любовь, бездомное искусство,
Вселенная души – мои, мои грехи! ...

* * *

Искусство словно море, волна нахлынет горем,
Отхлынет вдохновением, и зазвучат стихи.
Поэзия как парус мой, несущийся в просторе,
А без нее печаль была б смертельна, как стрихнин.
Под солнцем равнодушия, как в душевной бане, парюсь
Не грязь смываю – памяти моей бесценный прах.

Неси ж меня под звездами, неутомимый парус,
Горящим вдохновением на времени кострах.

* * *

Где мертвые витают, в каких краях живут?
И с кем они беседуют ночами?
Хоть и рассеял ветер по желтому жнивью
Их бедный прах – здесь все берет начало.

Но Гамлет все грустит: безмолвна синева,
И только ночью в тишине зловещей
Отцов ушедших видят сыновья,
Когда их взгляд туманом занавешен.

Когда в глазах темнеет от горя и беды,
Воспоминанье настужь распахивает сердце.
Как призраки печальны, всеильны и бедны,
И как помочь хотят нам, и как они усердны.

Их бедность всем известна: навеки лишены
Всего, чем обладали и что любили прежде,
Коль короли – короны, любившие – жены...
А кто мечтал о счастье, тот потерял надежду.

Их сила всем известна: пускай года текут,
Их образ не сотрется из памяти потомка.
Душевное движение и каждую строку
Они нам навешают, когда бредут в потемках.

Мне их печаль понятна: не могут нам помочь,
Забыть о них не могут своих детей заставить.
И нужно им являться, чтобы заполнить ночь,
Чтоб мертвое безмолвие рассеял стук костлявый.

* * *

Прости меня, мой друг печальный,
За ненависти звон кандалный,

За мой характер столь скандальный,
Прости меня, мой друг.
Мещанства ядовиты травы,
Когда за человечность травят
И глупо говорить о праве
На славу чистых рук.
Но было много в жизни дела
У тех, кто плакал неумело,
Но привилегиями смело
Умел пренебрегать.
Забыты раны и заботы
И лишь товарищей за бортом
Мне не забыть и за забором
Покоя не сыскать.
Я был всегда непримиримым
К чужой беде. Бессилен мимо
Больных пройти и клубам дыма
Мне не застлать глаза.
Друзья, за все мои несчастья,
Мне не застлать глаза.
Друзья, за все мои несчастья,
За жизнь, распятую на части,
За смех веселый и несчастый
Простите мне, друзья.

* * *

Сегодня море катит строфы
Гекзаметром Гомеровым
И невозможно в катастрофу
Вселенскую уверовать.

Покуда море волны катит,
Звения стихами чудными,
Жизнь, бесконечно велика ты,
Но лишь зовешься буднями.

* * *

В этом мире слишком тесном
Лишь единственных и лучших,
Самых близких, самых милых
Невозможно повстречать.
В темных плутнях коридора,
В чаще комнат безымянных
Знаю точно – невозможно
Отыскать любовь мою.
Как просторно в этом мире,
Где равнина беспредельно
Разбросала, разделила
Человеческих детей.
И затерянное в море
Среди трав, цветов и звуков,
Затаив мечту, уходит
Одиночество мое.
Тесен мир или просторен,
Слишком мал или огромен
Наши встречи и разлуки
Не зависят от него.
Если хочешь, я приближусь,
Пожелай – уйду навеки,
Но вернуться – ты запомни –
Невозможно иногда.

* * *

Если в сердце нет любви,
Не тверди о ней словом незначщим.
Ложь и фальшь от рожденья глупы,
А лжецы затеряются в чаще.

Если сердце не знает тоски,
Слез притворных не лей, не нужно:

Склеить двух мирозданий куски
Может только безмерно недужный.

Вдохновения не познав,
Притворяться поэтом надо ль?
Лицемерье – сосуд без дна,
Сгинут все, кто туда попадал.

* * *

О нищие, скажите, кто подаст вам
В ваш черный день кусочек хлеба черного?
Лишь тот, кто не был слишком предан яствам
И к розам мира был прикован взор его.

Богатые, кто вам поможет в горе,
Когда ваш мед отравой станет горькою?
Лишь тот, кто вверх карабкался по взгорью,
Довольствуясь водой и хлебной коркою.

И беднякам, и самым всемогущем
Поможет тот кому во всем отказано:
По-своему произрастаем все мы в гуще
Лесов, где кто-то паутину ткал заноз.

Кто от рождения тянулся к звездам,
Посмеет у гадюки вырвать жало.
Ведь все, что человеческим зовется,
Лишь человечность вечно выражало.

И если в бездну надо опуститься
Во имя блага, а не ради прихоти
Я опущусь, но только ты мне честно
В грядущий мир окошко ототри хотя б.

* * *

Ночью клонит не ко сну,
А к стихотворению.
Я души твоей коснусь,
Мерное мгновение.

Люди бегают по дну
Океана звездного,
Чтоб найти свою, одну
Тропку счастья позднего.

Нас заботы, что ни день
Осеняют песнями,
Коридоров канитель
Проложили в бездне мы.

Ограничены души
Грани в мироздании...
Мне же просто надо жить
В человеческом звании.

Просто жить, писать стихи
Любоваться розами...
Хочешь песнь с души стряхни,
Разломай перо за миг –

Миг духовной новизны,
Мерного мгновения,
Где ни лета, ни весны –
Лишь стихотворение.

* * *

Под маской любою, в платье любой модели
Сто париков смени, сотню навешай бус,
Если в сердце мое глаза твои посмотрели
Всё же узнаю тебя, узнаю – не ошибусь.

Хоть назовешься темным странным именем,
Все псевдонимы, а имя одно у тебя,
Это Любимая, Пламя мое – вот именно,
Сердце, горящее не для чего утеплять.

* * *

У гор дагестанских и русских дубрав,
У всех на земле племен
Прошу для людей одного лишь: добра,
Чтоб не был никто пленен.

Для самых красивых и тех, что милы
Своей непорочной душой
Хотел бы судьбу об одном я молить:
Чтоб к счастью весь мир дошел.

* * *

Если мир невидимый
Манит по ночам,
Ты березы выдумай,
Чтобы жизнь начать.

Если видишь издали
Лишь песок пустынь,
Не гляди так пристально,
В сердце жизнь впусти.

Чтоб воображение
Волю обрело,
Вспомни отражение
Солнца о брелок.

И от каждой малости
Скудной суеты,
От всего, чем маялся,
Чем лишь кровь студил

Ты дойдешь до вечного
На земле людей,
Чтобы жить доверчиво,
Вновь помолодев.

Если стала смутною
Жизнь, цветы, любовь,
Все сиюминутное
Переделай вновь.

Чтоб цвела заветами
Памяти людской
Вся Земля, заведомо
Полная тоской.

И порывом разума
Розы цвести заставь,
Чтобы жить нам разными
Без погранзастав.

Лишь единой волею
Мысли и добра
Все в запас уволены,
Танки отобрав.

* * *

В полдня сутолоке пыльной
Я на весла налегал,
Слишком быть любвеобильным –
Доля слишком нелегка.

Песней солнечной мороча
Сердца ясного портрет
С каждым днем лучи короче
В складках радужных портьер.

Свет струится в щели ставен,
Силой каждого луча
Можно верность вечно славить
Или вечно разлучать.

И рожденный светом добрым
Для великой новизны,
Я увидел в мире образ
Вновь задуманной весны.

И плывя по половодью
Тихо тающего льда,
Вспомню: тронул я поводья
В незабвенные года.

И коня звенящий топот
В сердце песней зазвучит:
Памяти бессмертный опыт
Путь мой счастьем осенит.

* * *

Как море – соленой водой,
Глаза, полны печали вы
Счастья челнок золотой
К сердцу не раз причаливал.

С милыми хоровод
Тайно во сне веде,
В море соленых вод
Шарил я слепо неводом.

Волны метались ран,
Сердце о рифы сточено:
Я потерял талисман
Рыбки той позолоченной.

Но из морских глубин
Голос мне слышен издавна:
Все, что не долюбил,
Будет стихами издано.

Шутка, ты так стара,
Я отвечаю выкриком:
Вышел бы в мастера,
Если не стал бы лириком.

Все я могу наверстать,
Только одно развенчано:
Прошлого не сверстать
Лучшему из газетчиков.

* * *

Начинали вы с кирки
Путь революционный
И взметали искорки
Подневольным стоном.

Расставляли вы силки
Барам и жандармам
Были службой высылки
Нашим командармам.

Не от страха вы белы,
От потерь бесценных,
Видя братьев гибели
В жизни – не на сценах.

Не сумели вы спалить
Траурные тюрьмы
Чтоб поднялся исполин
Люд рабочий штурмом.

Если в битве вы правы,
Каждый вечно годеи:
Не пропала выправка
У бойцов сегодня.

Наказали вы царей,
Зло искоренили,
Вас, железных рыцарей,
Внуки полюбили.

* * *

Не погасишь пламя ты,
Как бы ни потел,
В беспощадной памяти
Сердца на плите.

Розы сообща срывать
С одного куста –
Словно сейф обшаривать,
Каясь и грустя.

Пусть забудет отчество
Мой прекрасный сын:
Если одиночество,
Значит, ты один.

Жили в мире славно мы,
Честные, как свет,
Пусть закрыты ставнями –
Не за что краснеть.

Счастье - не надомница,
Счастье – сердца боль.
Все, что было, вспомнится,
А забудешь – роль.

* * *

Я не стану с тобой в ресторане
Танцевать и глотать коньяк:
До тебя, как до звезд, расстояние
И шепчу я, гневясь : на коня!

И спешишь ты сама не ко мне ли,
Парус черных волос неся,

Но просторы вдруг окаменели
И добраться к тебе нельзя.

* * *

Вам довелось смотреть в глаза секунд,
И ощущать смертельную угрозу,
И знать, что все ошибки засекут,
Что это главный бытия угрозыск?

Мгновений беспросветна пелена,
Исходит сердце криком как младенец,
И снова надо чувства пеленать,
И гибели подобно промедленье.

Уходит день упрямый в никуда,
Чтоб в памяти лишь отражаться недрах,
Как в погреб – корнеплоды, накидав
Туда всю жизнь, о время, брат и недруг.

«Овод»

Я вижу, как вблизи лицо Артура:
Красивый юноша, чуть бледен, синеглаз,
Лицо открыто, как клавиатура,
Душа огнем свободы занялась.

Мне жаль тебя, премудрый Монтанелли,
Что хочет с целым миром жить в ладу,
Ты умер раньше сына на расстреле
И, может быть, утешился в аду.

Любовной драмы смутные страницы
Перелистаю вновь, слегка смущен:
Легко решимость проявить и отстраниться,
Но как потом жестокий жест смешон.

И ты над всем – изображение бога,
Надменного в смирении слепом,
Разбей кумир – откроются дороги,
Тая надежду в образе любом.

И, может быть, обманут те надежды,
Чтоб стать безмерной чередой бед....
Хромой калека, ты хранишь как прежде
Земной, а не божественный обет.

И через море горя и разлуки
Лишь родина тебя опять влечет,
Чтоб слышать итальянской речи звуки
И с безрассудством смешивать расчет.

Ты изберешь друзей надежней кремня,
Смеясь над всеми, ловок и хитер,
И только в темной камере тюремной
В последней встрече предпочтешь костер.

И первое свиданье станет мраком
Последней встречи с дорогим отцом,
И даже смерть становится атакой
На гипсовый одушевленный ком.

Единственное счастье- быть свободным,
Одна мечта – собою быть во всем.
Прекрасна смерть – Артур умрет безродным,
Увенчанный безвременья венцом.

* * *

Я обещал тебе, перетаскаю горы.
Я гору перенес – не смог перенести
Тобою причиненное мне горе,
Твое неизгладимое «прости!»

Я говорил, что осушу болота,
Болото высохло – вовек не будет слез,
Но поезд твой на сердце лег заботой,
Как будто сам я лег под бой колес.

Слова бессильны. День уходит мимо,
Свет и дыхание жизни унося,
Но память бьет в глаза неугасимо,
По сердцу хлещет звоном колеса.

Размышление во сне

Заметались снова тени
В изголовии моем
И фонтаны сновидений
Плещут в сердца водоем.

Не ржавеет песен злато,
Беспокойный перезвон
Словно вечных постулатов
Человечий горизонт.

Сердце обнимает розы,
Как беспечны их шипы.
Беззаботные матросы
Говорливы и слепы.

И чредой явлений странных
Мир проходит предо мной,
Из пределов иностранных
Сон зовет меня домой.

Чтобы в ясном свете будней
Видеть полдень и закат,
Чтоб из жизни беспробудной
Сказку счастья извлекать.

Играет Паганини

Говорят, что был когда-то в мире некий Паганини,
Он невиданно уродлив, он неслыханно прекрасен,
И богат он был несметно, и всегда он был гонимым,
Одарен самой природой, все терял он с каждым часом.

Говорят, что Паганини мог игрой своей скрипичной
Разум возратить безумцу, а иных лишит рассудка,
Он любил всегда безмерно, ненавидел – безгранично,
Отвечал на все, как скрипка, слишком яростно иль чутко.

Говорят, что Паганини был отважный карбонарий,
Был картежником азартным, в ярости он был опасен.
Позабыв, что он динарий, предан был посмертно каре,
Потрясли его беднягу, все терял он с каждым часом.

Обладая всем на свете, Паганини был несчастен,
Не талант – его проклятье, только деньги всех достоинств,
И бродил в стране безумной труп его, как гость несчастый,
Лишь гонений после смерти, после муки удостоясь.

Говорят, играл на скрипке гениальный Паганини,
Только звуков давних, дивных никогда мы не услышим.
Но одно я знаю чудо: в мире живо и поныне
Имя это, словно сам он только на минуту вышел.

Обладал он всем на свете, не имел свободы только.
Стал свободен,
наделенный лишь своей посмертной славой.
Этой памятью свободной обладать он будет долго –
Слышишь ли его концерта звук таинственный и слабый?
...

* * *

Я жизнь хочу сложить как песню,
Чтоб звук звенел о каждом дне,
Чтоб люди во всемирной пьесе
Твердили только правду мне.
Я разучил любовь по нотам,
Законы истины просты,
Пусть хлеб пропахнет нашим потом,
Чтоб детям крепнуть и расти.
Хочу, чтоб каждый современник
Отвык навек от воровства,
От подлости, от лёгких денег,
От недостойного родства.
Мне в этом мире нужно много:
Победа братства над враждой,
Познания долгая дорога
Овеянная ворожкой.
И этих мыслей ни на йоту
Я никому не уступлю,
Когда пройду весь мир с блокнотом
И ради слова всё стерплю.

* * *

Я был во всём собой,
Пусть это было трудно,
Незримый и слепой
В моих рабочих буднях.
Безмерно молчалив,
Неслыханно болтливый,
Неудержимо жив,
Я, мертвенно ленивый.
Я противоречив
И странно согласован
Во всём, что настрочил,

Везде, где разрисован.
Как жалок мой портрет
И как глаза сияют,
И нет прошедших лет,
И годы воскресают.
Мне было больно жить,
Но умирать не легче,
Когда слова-ножи
Не ранят, но калечат.
И всё ж благодарю
Судьбы неизмеримость,
Кровавую зарю,
И недругов решимость.
Пусть труден вечный бой
За праздник яркой правды,
Я был во всём собой,
Лишь поседели пряди...

* * *

Я жил, и видел жизнь, и вся она в стихах.....
Рассвет развеял мрак и белым светом стал,
Метнулись тени чёрные к подножию предметов,
И жёлтым был песок, и серым хаос скал,
И море зелению обрызгало рассветы.
И голубое небо надо мной плывёт,
Раскинув белый облаков безмерный парус,
Заря была багрова целый год,
Окрашивая кровью звёздный хаос.
Как ночи бесконечна синева,
Предмет любой окрашен по ранжиру,
Прозрачны звёзды, зелена трава,
Порядок этот вечен в нашем мире.
Я видел каждый цвет, я жил, писал стихи,
Достоинство берёг иль мне казалось это,
Я не приписывал другим свои грехи,

Учился петь, старался быть поэтом.
Немного красок: однозначных – семь,
Не сосчитать, однако, их оттенков,
Мы жить хотим, и нас пугает темь,
Роскошный дом губительней застенков.
Поэту нужен целый небосвод,
И вся земля, и все моря земные,
И облако, как парус, вдаль плывёт,
И сердце рвётся в степи золотые.
Я знаю жизни скорбные цветы,
И радости глубины мне известны,
Когда, прощаясь, говорят «прости»,
Роняя наземь истинную песню.
Единственная строчка мне нужна...

Богохульство

Жил на свете грозный бог,
Истомлённый силой грешной,
С чёртом сладить он не смог
И с красоткой-ведьмой здешней.
Дьявол господу спойл
Коньяком и водкой белой,
Две недели бог блудил
С девкой шумной и дебой.
А когда спустилась ночь
Отказался пьяный боже
От детей, они точь-в-точь
На чертей и ведм похожи.
Как же он не совладал
С чёртовой земною властью:
До утра он целовал
Женщину с небесной страстью.
А под утро закричал:
«Нет, хочу опохмелиться,
Чтоб без бога, без причал

Пьянствовать, блудить, молиться.»
Так буянил бог седой,
Страшный, голый, бородатый....
Эй, проснитесь, кто святой,
Образумьтесь, кто рогатый.
Кто постился, мясо ешь,
Трезвенник, вина попробуй,
А иконы – только вещь,
А безгрешность – вся за гробом.

* * *

Я видел ложь и видел лживых:
Не стыдно ль им преуспевать,
Как кровь не почернела в жилах,
Как не отсох язык сперва?

Я смерть узнал, узнал убийцу:
Не страшно ль жить ему во мгле,
И преступление не снится,
Не ходит призрак по земле.

Я знал таких, что не солгали
Ни в первый, ни в последний час,
О нас стихи они слагали,
Собою закрывали нас.

Я знал достойных быть богами
На самой грешной из планет,
О них болтать мы избегаем,
Что толку – их давно уж нет.

Мне говорит усталый жулик,
Что смелых пуля не берёт,
Его наверно обманули,
Ведь он труслив, и он живёт.

И мне понять порою трудно,
Что на земле моей живут
Герой труда, а рядом трутни,
Гигант, а рядом – лилипут.

Один твердит, что он безгрешен,
Другой святой, но вечно нем,
И кем-то вновь ярлык повешен,
И кто-то позабыт совсем.

И мной любимые от века
Слова изгажены лжецом,
Цветов изломанная ветка
Упала сором под окном.

Но вновь живу я, негодую,
Одних любя, других кляня,
Любимых новых не найду я,
Как старость не найдёт коня.....

* * *

Бежит планета в просторах чёрных,
Бежит, как люди, на ясный свет,
И с каждым шагом дороги торной,
То ранит пуля, то бьёт навет.
Поможет память, познаю братство,
Обманет сердце, пробьётся враг.
Иль будет мир мне пустым пространством,
Как по чужбине плывёт варяг.
Но если станет рассудок точен,
Прозреет сердце, раскрыв секрет,
Как берег жизни волной источен!
Как голос правды теплом согрет!
Не надо славы, никчемно злато,
Отдай мне друга, верни огонь,

Но вдаль-далёко давно ушла ты,
Кольцо упало, пуста ладонь.
Но шорох платья мне вечно дорог,
Пушай лишь память тобой полна,
Мой парус в море как в коридоре,
Несётся яхта, звенит волна.
Я буду весел иль печален,
Покуда память во мне жива,
Могила предков, мы к вам причалим,
Не спрячет правды вовек трава.
Роняю слово, восходят зёрна,
Колосьев спелых звенят моря,
Я был нежадный, правдив упорно,
Стремился к солнцу в ответ горя.
Пушай простит мне, кто был достойней,
Что я не сдюжил, как он сумел,
Сломалась юность, как тополь стройный,
Но голос сердца своё допел.

* * *

Верю в народное вече,
Знаю: бессмертен народ,
Подлость и кривду увеча,
Род поднимался на род.
Брат, убивающий брата,
Эхо гражданской войны –
Бой за победную правду,
Ей лишь герои верны.
Верю в народную мудрость:
Благо всегда победит:
День начинается с утра,
Солнце и ночью горит.
Непостоянны закаты,
В звёзды зелёные верь:
Враг неопасен заклыйтый,

Если распахнута дверь.
Голос природы и раньше
Предкам твердил о себе,
Только казалось: обманщик
Лживую песню запел.
Верю в природное благо,
Знаю: оно не предаст,
Бьётся прозрачная влага
Сквозь плодородия пласт.
Зрелая хлебная нива,
Розы пылают опять,
Солнца рассветного нимба,
К счастью, нельзя поломать.

* * *

Бессмертные боги Олимпа,
Я вас прославлял бы весь век,
Но вы запятнали ошибкой
Божественных истин разбег.
За муки и кровь Прометея
Кого, как не вас, проклинать.....
Над миром взметнулся метелью
Народ, победивший опять
И люди, согретые богом,
Не Зевсу «спасибо» твердят
И в слове чеканном и строгом
Врага его благодарят.
Покуда я жив, не устану
О подвиге истинном петь,
О боли борца и титана
Строкой беззаветной звенеть.
Он отдал всю кровь и дыханье,
Чтоб было народам теплей,
А Зевс напивался в духане,
Развратничал он и тупел.

И если мальчишка, смелея,
Отважится подвиг свершить
Сравнят его вновь с Прометеем
И будет он в памяти жить.
Огромное, светлое имя,
Прекрасный источник тепла –
Лишь тень пред делами твоими
Безумная злоба орла.

* * *

Брови бравого вояки
Хмурятся, хмелеют снова
В звёздный посвист зодиака
Путь открылся без засова.
Племя пламенем объятых,
Страстных странников поток
Захлестнул мой час заката
Слов слабеющих потоп.
Донесётся еле слышный
Крик: «Не пишется, прости.»
Оживает след мой лыжный,
А страницы книг пусты.
И в тоске тысячелетней
Я подумаю впотьмах,
Что оставил самый бледный
Оттиск чувства впопыхах.
И сомнение проснётся:
«Может, не писал стихи я,
Может, просто было солнце
И свободная стихия.»

И развеянный на ветер
Холодеющей любовью
Не воскресну и, наверно,
Захлебнусь старинной кровью.

Но не страшного дебюта
Испугался я когда-то –
Поэтической минуты,
Осторожного стаккато.

* * *

Бейся бисер слов безвестных,
Ненаписанных давно
Музыкой старинной песни
В жизни яростном кино.
Позабыв заботы шёпот,
Я обласкан вновь весной,
Мной разрушены трущобы
Бедной памяти земной.
Чтоб поверил грешный автор
В сердца острый перестук,
Я решился: «Снова завтра
Древом в жизни прорасту.
Прочь пустые отговорки,
Избирая торный путь,
Покидаю дома норку,
Чтобы воздуха хлебнуть.
И вплетая в песню ветра,
Голос хрипловатый сей,
Сердце посажу на вертел
И подам на стол друзей.
Что-то выяснив, быть может
Я от всех навек уйду:
Лишь одно меня тревожит-
Кто польстится на еду?

* * *

Боятся люди громких слов,
Как больно бьют они по слуху!
И мыслей трепетный улов
Не радует мою старуху.
Упали годы в крутизну,
Неумолимо выются кольца,
И даже розы рады сну,
Чтобы шипами не колоться.
Благословенные сады-
Как трудно защитить шипами
В миг ненависти и беды
Свою измученную память.
Лукавый, лёгкий аромат
Над слов безудержною вязью –
И трубы древние гремят
Одной единственною фразой.
О, дай одно лишь мне, судьба –
Уменья быть достойным розы.
Я, отрешившись от себя,
Навеки отрешусь от прозы.

* * *

Воспоминая душу леденит:
В узорах стен я вижу розы вновь,
Я снова ранен пулей разрывной,
И над спиною снова плетъ звенит.
Я ощутил горящего добром
Прикосновенье прожитого дня,
И сердце туго стянуто ребром,
И снова друга нужно догонять.
Сегодня мной испытанное зло,
Оно ничтожно, если есть друзья,

Любви, молчащей золотист излом,
Судьбой, кричащей пренебречь нельзя.
Когда мне руку пожимает друг,
Я ласку пальцев тотчас узнаю,
Из нас никто не принимал услуг,
Любя, как правду, ясности зарю.
Сильны мы честью, нет меж нас господ,
И нет лакеев- все всегда равны,
Трудились честно – прошибал нас пот,
Прошли сквозь годы, честь не уронив.
И если был бы в мире Страшный Суд,
Не покраснею, не за что, клянусь....
Когда меня поэтом назовут,
Я вспомню всё, пойму, не ошибусь.

Монолог солдата.

Я не убил предателя. Под вечер
Солгал друзьям, я был, быть может, прав:
Он мёртв уже, он насмерть изувечен.
Забудь братишка. О, холопский нрав!
Беспомощный и грешный бился ангел.
В моих словах, проклятой доброты
Милее зло – хоть в сатанинском ранге:
Предательский удар необратим.
Приятней пасть в бою невероятном
За справедливость... как взглянуть опять
На друга дом, он не пришёл обратно....
Как страшно память в сердце накапливать!

* * *

Голубая тоска безмятежного дня,
Глубина равнодушного неба
Ранят сердце опять, оседлаю коня,
Ускачу в необъятные степи.
Приторочен к седлу небогатый хурджин,
Сердце песней о родине бредит,
И родная гора поднялась, как кувшин,
Горизонт мой безоблачно беден.
Под копытом коня мелкий камень шуршит,
Промелькнула змея в саксауле.
Ночь в пустыне бедна. Лентой звёздной обшит
Небосвод, как и в древнем ауле.
Много тысяч огромных томительных лет
Разлучён я и с детством, и с домом.
Как любить я хотел, но не бегал от бед,
Одурманен удачи истомой.
Я дорогу хотел проложить для людей
До безмолвной черты горизонта,
Но орёл надо мною бесшумно летел,
Тень его для меня словно зонтик.
Птица мест мне родных, гор высоких посол
Надо мною летишь ты бесстрашно.....
Вместе с родиной путь бесконечный прошёл,
В память сердца укрывшись, как в башне.

* * *

Игра в безумие глупа,
Смешон доморощенный Гамлет,
Как воркованье голубка,
Он в страсть свою поверил сам ли?
Закатом пламенным горя,
Метает чувство стрелы молний,

Так стонет, ослабев, гора
И рвётся парус, жизни полный.
Чудесна жизнь морских глубин,
Свои безумцы и принцессы
Вершат под сводом голубым
Бракоразводные процессы.
У птиц иной любви закон,
Свои понятия о морали,
Орлы парят, но незнаком
Им опыт шумного сераля.
И крохотных своих волчат
Охрипшие в боях волчицы
Бесплатно кормят, но ворчат,
Что зло на гончих ополчиться.
И если человек иной
Зверей безумных недостоин,
Уместно, что закон земной
На жёстких правилах построен.
Во славу правды и добра
И мировой любви во имя
В столицах иль в глуши дубрав
Делами хвалимся своими.
Но слово – нежности предел,
Пренебрегать им невозможно,
Убьёт – вернее, чем расстрел,
За каждый жест неосторожный.
Но за добро стократ воздаст,
Любя, не ведает границы –
Поэзии моей звезда
Любовью ближнего гордится.
И места нет для суеты,
Для клеветы иль лести грубой.....
Срываю нежности цветы,
Лаская нежно милой губы.

* * *

Жизнь – граница меж двумя мирами:
Хаосом небесным и земным,
Узок путь. Пылает над морями
Свод небесный шлемом золотым.
Звёзды нас не видят никогда,
Покрывая огненные вёрсты,
Светом безответным исходя.
Там, в далёкой бездне, всё безлюдно,
Нет причин для смеха и труда.
Всё молчит и всё живёт подспудно,
Освещая наши города.
Звёзды дарят нам свои красоты,
Заставляя верить и любить.
Люди – пчёлы, наполняем соты,
Чтобы звёзды вечные забыть.

* * *

Когда усталые часы хрипят и умирают,
Когда пружинка в них дрожит и рвётся сердце вдруг,
Беспомощны часовщики, их руки, ум и раны
Всё бесполезно в этот миг, как в час беды – испуг,
Смерть человека. Станный час.
Безумные потери.
Один ушёл, оставив трёх беспомощных сирот.
Как будто ветер прошумел – качаются портьеры,
Как будто человек прошёл в пустой проём ворот.
Но кто бессилён, кто найдёт хотя бы отзвук смеха,
Хотя бы тень его шагов, лишь запах табака,
И струйка дыма над окном, как в небесах прореха
Как луч звезды, которой нет, как хаос кабака.
О, вы, учёные мужи, коль сможете, измерьте
Размеры вечной пустоты, осознанный предел.
О смерти знаю: есть она – возможно ли бессмертье?
Когда б не верил я в него, не жил бы и не пел.

* * *

Роняя музыку души движеньем струн,
Играет молча гитарист в закате смутном.
Мелькают пальцы. Голос песни юн,
Она внезапно родилась напевом блудным.
Забыты старые слова, и смысл иной,
И прошлой жизни вопреки восходят звуки
До самой звёздной глубины в глуши земной.
Печально сердце у него, страдают руки.
Играет песенку артист, сверкает мрак,
Многоголосие души ложится глухо
На неба грань, на лунный свет, и каждый знак
Бумаги нотной испещрит живое ухо.
Мою мелодию, мои земные чувства,
Я точно так переложил, но на стихи,
И зачеркнуло всё случайное искусство:
И все заслуги обнажило, все грехи.

Московское утро

Я приехал в Москву на рассвете,
Словно выстрелы, били шаги.
Город выглядел гордым, в расцвете
Сил своих, как могучий штангист.
Соловьиная песня восхода
По безлюдным пространствам текла
И сулила морозы погода,
Серебрилась поверхность стекла.
Если б знать о грядущих обидах,
Об удачах неведомых знать,
Я бы каждый обдумывал выдох
Я бы каждый исследовал знак.
Был один я в рассветную пору,
Небо чисто. Дорога светла.
Оживает проснувшийся город.
Годы жизни сметает метла.

* * *

Говорит она: не ты ли,
Мой любимый, мой постылый,
Обманул мой сон.
Ты бессовестный и хитрый,
Юность светлую похитил,
Зоркий мой Назон.
Проклянёт она меня ли,
Мне заботы заменяли
Каждый солнца вдох.
Годы гаснут, сохнут точки,
Звёзд весенних лопнут почки,
Как печальный вздох.
Годы жизни, ночи плача,
Безобидная удача,
Позабытый свет.
И меня в цветенье сада
Обожжёт твоя досада.
Утренний сонет.

Музейный экспонат

Богини горделива нагота,
Пускай и рождена она немую,
В музее поселившись на года,
А не в саду, закрытом синевою.
Она богиня, верили в неё
Таинственные римляне и греки:
Казалось, что богиня ливни льёт,
Рождая плодородие и реки.
Они твердили и роптали: ты.
И только ты, божественная Гера,
В твоей лишь власти уберечь сады...
Нет, не было богов, была лишь вера.
Но мысль иная греет душу мне,
Ведь жил творец, неутомимый мастер,

Богов несуществующих умней,
Великий скульптор, он источник страсти.
В его руках кусок земли сырой
Преображался. Голая богиня
Волнует сердце. Взгляд разит стрелой.
Я красоту вовеки не покину.

Воспоминания из детства

Сошлись две женщины. Меж ними
Нет ни нейтральной полосы,
Ни адвоката, что отнимет
Волчицы клык и хвост лисы.
Сошлись в словесном поединке,
Как будто насмерть бьют ножом,
Чтоб огорошить без заминки
Или оставить нагишом.
Слова летят от них, как пули,
Взметая пыль у голых ног,
Их не смирит никто в ауле,
Их не помирят даже бог.
Безжалостно поранит ругань,
Посеяв боль в чужой семье:
Возненавидели друг друга
Замок и ключ, что в том замке.
Навеки оборвётся дружба
И мир нарушится навек,
В ходу проклятое оружие:
Обман, бессовестный навет.
И кто поверит, что вчера лишь
О свадьбе думали они,
Когда и дети шли с игралищ
На счастья красные огни.
Как слово жалит! Но покуда
Оно беспомощно, пока

Мужчины только смотрят круто,
И неподвижна их рука.
Пушай мужчина, что сильнее,
Посмеет гордо промолчать
И не растопчет, свирепея,
Любовь детей, мечту волчат.
Хоть долго не стихает ссора,
Найдёт замок сердечный ключ:
Лишь звери на расправу скоры,
Лишь человек – как солнца луч.

* * *

За всё в ответе я и ко всему причастен,
К труду привычный и устало злой.
Штормят моря. Как вороны, напасти
Слетаются, и колет боль игой.
И радость мимолётно бьёт в глаза мне,
Иль просто приласкает верный друг,
В горах по склону скатывались камни,
На реках шёл ко дну, пробитый струг.
Я весел был, порою плакал тихо,
Я песни пел или рыдал навзрыд,
Жизнь штопала мне раны, как портниха,
Я верил: солнце путь мне озарит.
Я замолкал, я был в беде отважен,
Был немотой мычащей знаменит,
Но в жизни был во всём причастен, даже
Когда молчал в кольце земных обид.

* * *

Уже который день идут дожди
И спрятанный дымящей пеленою
Я даже невпопад запел иное,
Но ты сказала кратко: подожди.

Сырой рассвет навеял мне тоску,
Невнятно падал свет сквозь неба сетку,
Безжизненно лоза вросла в беседку,
Печалиться мне было недосуг.
Коснулся ветер холодевших щёк,
Я шёл в песках, волною увлажненных
И крик ленивый чаек полусонных
Летел в простор. Как горизонт широк!
Как тесно в мире! Оклик разорвал
Задумчивость мою, и мой знакомый
Был весел, проводил меня до дома –
Приятней стал больного дня овал.

* * *

Нарисуй меня в беседе,
Чтоб себя узнал я сам,
Обижаю ли соседей,
Раненым даю бальзам.
Может ошибиться каждый
Иль поможет разговор
Утолить мне правды жажду
И чужой примерить взор.
Но поверю ли портрету,
Не узнав сомнений боль,
Сняв дурмана сигарету,
Сбросив маску, словно роль.
Если ж правде не поверю
И легко поддамся лжи,
Приравняю жизнь к потере
Покаянья песнь сложив.
Но прекрасен голос правды,
Дружбы честные слова:
Крылья истины расправьте,
Лжи бессмысленна халва.

* * *

В час опасности и страха
В гулкий день беды
Жгла костры на склонах стража,
Где снега белы.
Так сородичам сигнала,
Что явился враг,
Сообща злодеев гнали,
Били главаря.
Не написаны страницы
О былых боях,
К воле человек стремится,
Лживых слов боясь.
Но нельзя забыть героев
Мировых боёв,
Скрипку памяти настроив,
Пусть поэт поёт.
Всё реальности правдивей,
Подвига честней.
Прошлое в наш век придвинув
Истиной вестей.

* * *

Припомните, как нынче шли вы
По узкой улице сквозь ночь...
Горели в воздухе дождливом
Огни, отбросив тени прочь.
И красный свет в окне высоком
Томил мечтою о тепле,
Вода текла по водостокам,
Катились капли со стеблей.
Как красные кровоподтёки
Искрились лужи. Поздний час.

И провода дрожат под током,
И звёзды падают злачась.
Предрасположенный к приметам,
Я вновь желанье загадал,
Чтоб новый день живым просветом
Всё, что прекрасно озарял.
Чтоб вправду жизнь была красива
За красною стеной стекла...
В раздумьях сумерек дождливых
Ночь красной краской истекла.

* * *

Кидаю камни и слова,
Что тяжелей? Как взвесить?
Я говорил, как целовал:
Любовь не занавесить.
Сквозь тень преграды и обман,
Сквозь ложь и отчужденье
Я шёл и вдруг в пути обмяк,
Поверив в наважденье.
Недолго камнем запустить,
Но сердце неделимо,
Оно без дружбы как пустырь
В тоске неодолимой.
Так вянут лучшие цветы
Без воздуха и влаги...
Не оставайтесь без воды
И наполняйте фляги.
Когда уходите в моря
Вам вслед посмотрят с пирса,
Как бы с тревогой говоря:
Ты ждёшь иль напился.
И каждый сладостен глоток,

Когда припоминаешь
Пестревший с пристани платок...
Ты таешь, таешь, таешь...

* * *

Последний день, полночный час,
Над всей страной куранты,
В прошедшем дне частичка нас,
Уходят дни-курсанты.
Припоминаю дня дебют,
Рассвета миг внезапный
Воспоминания добьют
Морской тревожный запах.
Восходит памяти ладья
Небесного экрана,
Вдоль строя звёздного летя
В чужих пределах страны.
Нам вечно дел невпроворот,
И стали дни короче
Дороги резкий поворот
И ясный сон просрочен.
Навряд ли нам приснится
Трудом заслуженный успех
Без боли в пояснице.
Но слово доброе пролив,
Мои друзья за мною
Пройдут через вражды пролив
Дорогою землею.
Чтоб стал родным для нас весь мир,
Чтоб даже сны смешили,
Огонь любви себе возьми,
Мой брат... мы так спешили.

* * *

Кто поучает, неразумен,
Клянётся тот, кто часто лгал,
Развратен старичок-игумен,
Шашлычник невзлюбил мангал.
Темнеет мысль от повторенья,
Избитых истин не сыскать,
Чад происходит от горенья,
А рост зависит от соска.
Но если часто в парадоксе
Смысл мироздания зарыт,
И дружба зародится в боксе, -
Лишь зверь дерётся до зари.
Гораздо чаще откровенны
Законы правды и просты,
Любовь и дружба неизменны,
Как зёрна первой борозды.
Той, что была в веках далёких
Проложена до наших дней,
Так песня в первобытных строках
Пропета лучшим из людей.
И в каждой золотой эпохе
Не злато ценится, а честь,
Поныне делим хлеба крохи,
Чтоб вместе жить и вместе есть.

* * *

Взлетает занавес, высок и золотист,
Как утра жёлтого веселая пантера,
Над многоглазием молчащего партера
Дрожат удары бубна и монист.
На сцену выбегает, топоча,
Гримёра порождением актёры,

И действо начинается, и скоро
Зажжётся вдохновения свеча.
И с первых тактов музыки живой
Томит нас предвкушение развязки,
Когда сотрётся грим, поблекнут краски
Артистов со склонённой головой.
Здесь зрителей собралось без числа,
Мы наблюдаем, каждый словно замер,
Из кресел золочёных, как из камер,
За поединком верности и зла.
Но мне известно: в глубине кулис
Скрывается душой всего спектакля
Живая жизнь, и зеркало не так ли
Всё отражает, но срывает мысль.
Мысль главная в душе изречена
Чуждаюсь слов и в области предчувствий
Рождается высокое искусство,
Открытий неземных величина.
И что бы ни твердил нам режиссёр,
Всё главное нам явно без подсказки,
Сильней сюжета и смелей развязки –
Души и тела бесконечный спор.

* * *

Забуду шумный переулок детства,
Удар мячом, печальный посвист птиц.
Чтобы уснуть, достаточно раздеться,
И можно видеть сны, и презирать цариц.
Шуршит, как книга, дерево у дома,
Листва взлетает и витает пыль,
И мир становится внезапно незнакомым,
И гасит день ночной огонь и пыл.
Планету осеняет словно парус,
Прозрачная до дна голубизна...

Нет признаков, но незаметно старюсь,
Друзей в прохожих трудно распознать.
Но потому я память напрягаю,
Что даже летом на путях земных
Не сходит мокрый снег с лесных прогалин
И жизнь шумит, и бьёт по сердцу стих.

* * *

Каждый дом чужой как тёмный замок,
Жизнь чужая, словно лес густой.
Женщина прошла, сверкнув глазами,
Незнакомка милая, постой.
Есть в познание мира ритм особый,
Ночь трясёт меня в земном ознобе,
Чтоб рассвет прекрасный навязать.
Сколько раз казалось: всё, кончаюсь,
Нет! Напрасно! Счастью не бывать...
Чей-то взгляд обдал меня печалью,
Чтоб тоской признанья в небо звать.
Ночь стоит как аист одноногий,
Подпирая облаком луну.
Думает о прошлом одинокий,
Ночь целует сердцем, как жену.
И на тонких стебельках рассвета
Утро рассыпает аромат,
Рыбаки забрасывают сети,
Пишет мастер о любви роман.
День, что прожит, понят и описан,
Освещён мерцанием пера
Солнечного, в заповедной выси,
Как кинжал, блеснувший у бедра.

* * *

Мне кажется порой, что снова манекены
Сменили всех людей. Натянутая нить
Связует их с землёй, и корни всех растений
Обречены не жить, а умирать и гнить.
Я подошёл к тебе. Ты – миллиардный номер,
Нет у меня жены, и оба мы мертвы.
Скажите, где мне быть, ведь мой товарищ помер,
Войну не упразднить, и фюреры правы.
Так снился мне фашизм, в изогнутом обличье
Склонившихся рабов, невольников земли,
И каждый мне кричал: забудь любви обычай,
Ты можешь умереть, покорным будь, замри.
Но видел я тоску в глазах твоих звериных,
Мне снившийся фашист, ты сам себе не рад:
Награблено добро – но толку что в перинах,
Ты что-то натворил – но страшен блеск наград.
В них слипшаяся кровь, и пепел сёл сожжённых,
И слёзы матерей, и ненависть детей.
Ты страшен сам себе, убивший окружённых,
Ты сам себя связал, ты враг своих затей.
Так снился мне фашизм, всемирного потопа
Я медленно познал безумные черты,
Стонала по ночам пленённая Европа,
И ворон над землёй галдел и круг чертил.
Я видел этот сон, и не хотел проснуться,
Кричал, как волк, во сне и словно умирал...
Наутро клятву дал быть стражем революций,
Солдатам истины – я клятву мёртвым дал.

* * *

Иду опять по склону рыжих гор.
Тропа петляет. Лес, сплетённый чащей,
Усталой наготой мне ранит взор...
Я полон песней, о любви, кричащей,

Стихами, смутно бьющими во мне,
Печальным чувством и сознанием света,
Упавшего на скопище камней.
Природа воздвигает парапеты,
Под ними время плещется, но мы
Не просто парус и не просто судно
На гребне волн. Нет в мире чувств немых,
А наши мысли озаряют будни.
Я вновь иду среди знакомых гор,
Моя земля – я сердцем к ней причастен,
Идёт хозяин, а не жалкий вор,
Я сын земли и к ней всегда пристрастен.
Когда мою высокую тропу
Обвал засыпал, в каменном разрезе,
Как в сердце, прочитал свою судьбу,
Проложенную кровью и железом.
Закон известен: не кляни зарю
За то, что с нею ночь ушла навеки...
За жизнь тебя, земля, благодарю,
Но сами путь прокладывают реки.

* * *

Пока мне непонятен мир высокий,
Плывущий солнцем с древнего востока
На запада измеренный предел,
Мне звёзды голубые не наскучат.
Разодрано пространство и трескучий
Рассвета луч в глаза мне мир предел.
Звенит земля, работы филигранной
Стоят вершины, и с рассветом грянет
Всемирный труд в багряный барабан.
Снедает нас тоска об уходящем,
Как тень звезды, в душе моей скользящей,
Чтоб сны былые снова истреблять.

Колдуют долго пламенные зори,
Чтоб высечь искру в человеческом взоре
Желаньем жить и жаждой постигать.
Бежит планета чёрною пантерой,
Теряя солнце, не мирясь с потерей,
Чтоб вновь терять и снова наступать.
Быть может, этот путь необратимый,
Родившийся из тьмы, огня и дыма,
Бессмысленным казался б мне, когда
Не человек, живущий во вселенной.
Твердит он этим фактом несомненным,
Что смысл имеют космос, мгла, звезда.

* * *

Всем помогающим в беде
Когда-нибудь зачтётся,
Кто человечен был везде
Запишется, зачтётся.
За раны страшные и боль
Когда-нибудь зачтётся,
За справедливость ты, изволь
Дождись и всё зачтётся.
Кто нищему подал на хлеб
Когда-нибудь зачтётся,
Помог идти тому, кто слеп,
Всё в старости зачтётся.
Тому, кто щедрым был всегда,
Когда-нибудь зачтётся,
Тогда и горе не беда
По чести всё зачтётся.
За то, что сотворил ты зло,
Когда-нибудь зачтётся...
Как время медленно текло –
Кто истины дождётся?

Дождётся друг твой или сын,
Будь счастлив: всё зачтётся.
Пуškai ты всюду был один,
Но дружбы он дожждётся.
И если сможешь пережить
Своих ошибок сеть,
Научишься с добром дружить
И песни правды петь.
Даруя радость за беду,
За мрак даруя солнце,
Слепого ночью проведу...
Я знаю: всё зачтётся.
И если засмеётся враг:
Мол, ждёт, но не дожждётся,
Я точно знаю, кто дурак
И что кому зачтётся.

Одиноким поэтам Дербента

Ветер дерево ломает,
Стонут под землёю корни
Но стволы, устало маясь,
Буре бешеной покорны.
Коль захочет, разбросает
Ветви над землёю чёрной,
Позабудет адреса их
Сердце родины упорной.
Нет, не сердце- бессердечья,
Равнодушия обман,
Лучших сыновей увеча
И певца лишая речи.
Вечер падает на плечи,
Дерева сгибаая стан.

* * *

Когда- то в дальние века
Я молод был и резок,
Казалась ручейком река
И точкою – отрезок.
Но незаметно повзрослев
И став слегка незрячим,
Веду беседу нараспев
И облик мой невзрачен.
Но слову вновь не изменю,
Не став метрдотелем,
Не извлекаю из меню
Заказов, грешным делом.
Тридцатилетний юбилей
Отметил честным словом:
Я не считал чужих рублей
Под честности покровом.
Чужого счастья не искал,
Довольствуясь немногим,
Я слабых не держал в тисках,
Давал проход безногим.
А все безумные грехи
Просты и объяснимы;
Приходят не ко мне стихи,
Но прихожу я с ними.
Пусть святы мне простят,
Но кровь в тяжёлых жилах,
Как будто море, бороздят,
Таясь от слов постылых.

* * *

Я вспоминаю молодость твою,
Быть может, хуже помнишь ты сама.

Но жизнь твердит: покорствуй иль воюй,
Бессмертья не придуман талисман.
Есть времени жестокие резцы,
Морщины словно след любовных ран.
Ударит жизнь: прими иль отрази,
Но в память проникает всё ж туман.
Так смену поколений не сдержать,
Вновь юноши уходят на посты,
Лишь жизни не помогут сторожа,
И вновь глазницы старости пусты.
Прости меня, мой одинокий сын,
Нам трудно столкнуться, твой черёд
Жить против смерти, автором картин,
В которых жизнь из тесных рамок бьёт.
Нет, жизнь моя продолжится не зря,
Я верю в мира радужный рубеж,
И не кричит никто: убей, зарежь.
Приносят в мир надежду сыновья,
Пусть для любого будет как закон:
Одна лишь песня – песня соловья,
Военный марш потомкам не знаком.

* * *

Летают мотыльки. Дрожат на стёклах тени.
Неведомых цветов опасен аромат.
Сегодня день любви, и всадник на арене
Гарцует не спеша, и зрители шумят
Настала ночь стихов. Листва одета мраком.
Таинственных цикад звучит незримый хор.
Невидимый нарцисс сплетает корни с маком.
Земля поёт томясь. Рассвет сползает с гор.
Я вспомню эту ночь, когда начнётся утро,
Пойму, что молод был каких-то два часа.
Но кто успел впотьмах мне волосы попудрить?
Как ясно мне, что ночь ушла ещё не вся.

Оставила луна серебряные нити,
Отпетая душа несётся наобум.
Но всё, что я люблю, горит опять в зените
Задумчивых стихов и окрылённых дум.

Мольба

Не дай мне бог в последний час
Узнать твою беду, Кипренский,
И звать друзей, в бреду мечась
Пред ликом вечности вселенной.
Не приведи пути итог
Означить немотой бессильной,
Как ты, Хайям- не царь, не бог,
Но гражданин Земли старинной.

Прошу, как милости, себе
Познать вражды и дружбы цену
И быть не щепкою в судьбе,
Не громоздить мечту на сцену.

Пусть я родился не большим,
А просто чистым человеком,
Я ненавижу фальши дым,
Шагая в ногу с новым веком.

Моя душа во всём одна,
Властительно, неумолимо
Я к звёздам голову поднял
И не стремился стать хакимом.

Пусть вера озаряет ночь,
Пусть радость приобщится к утру –
Смятенье, слабость, трусость – прочь!
Привет тебе, потомок мудрый.

* * *

Не погасишь пламя ты,
Как бы ни хотел,
В беспощадной памяти
Сердце на плите.

Розы сообща срывать
С одного куста –
Словно сейф обшаривать,
Каясь и грустя.

Пусть забудет отчество
Мой прекрасный сын:
Если одиночество,
Значит, ты один.

Жили в мире славно мы,
Честные, как свет,
Пусть закрыты ставнями –
Не за что краснеть.

Счастье – не надомница,
Счастье – сердца боль.
Всё, что было, вспомнится,
А забудешь – роль.

* * *

Как море- солёной водой,
Глаза, полны печали вы
Счастья челнок золотой
К сердцу не раз причаливал.

С милыми хоровод
Тайно во сне ведя,
В море солёных вод
Шарил я слепо неводом.

Волны метались ран,
Сердце о рифы отточено:
Я потерял талисман
Рыбки той позолоченной.

Но из морских глубин
Голос мне слышен издавна:
Всё, что не долюбил,
Будет стихами издано.

Шутка, ты так стара,
Я отвечаю выкриком:
Вышел бы в мастера,
Если не стал бы лириком.

Всё я могу наверстать,
Только одно развенчано:
Прошлого не сверстать
Лучшему из газетчиков.

* * *

Мы силу слова познаём,
Когда теряем иль находим
Друзей великих и врагов
Под маской человечности,
Но если что-то ты сказал,
Последствий надо ждать.
Я сам отвечу, за меня
Никто не испытал огня.

Но в этом мире слов и тел,
Великих дел и безучастья,
Я слово выбрал навсегда,
Чтоб жечь или ласкать,
Поклявшись в чистоте хранить
Слов золотые зёрна.
Хочу, чтоб сказанное мной
Взошло в сердцах сквозь пережной.

* * *

Мне больно, если слово вдруг
Становится незначащим.
Мне грустно, если в слове нет
Великих честных чувств.
Мне страшно, если вспыхнет в нём
Неискренность предательством,
Когда бессильно слово, мне
Еще больней за всё вдвойне.

Я жизнь читал не по складам,
Но книгу бытия
Нельзя глазами пробежать.
И чтобы вникнуть в суть
Стремился слово я познать
В едином русле чувств.
И слово было для меня
Звездой ночей и солнцем дня.

Я знаю хитрых шептунов,
Умеющих молчать,
Они, достойные на вид,
Могли бы превзойти
Любого болтуна, когда
Не слышит их простак,

Испытано их слово мной,
Как звон в ушах, как смертный зной.

Немало было слов иных,
Они порою кажутся
Прекрасней чёрного вина,
Вкусней любого лакомства,
Но в речи той лишь внешний блеск
Обманывает нас,
Но как в стакане видно мне:
Таится сладкий яд на дне.

* * *

На огромной земле преступлений и смеха безумного
Счастлив только глупец,
Безмятежен мудрец.
Но у юности нашей законы свои – не заёмные:
Будет, что предстоит,
А земля не стоит.

Долго я постигал отражение подлости в смехе,
Никого не прощал,
Но сопел, как амбал.
И черты доброты я сумел разглядеть в раздражении,
Стали зорче глаза,
Не забылись друзья.

Наша близость на миг, но дороги у каждого разные,
Я к разлукам привык,
Сквозь запреты проник.
Но законы гласят, что понятно лишь то, что испытано,
Новый день предстоит,
А земля не стоит.

* * *

Ночи стали длинней, а разлука – короче,
Песни страсти поём, а кому - неизвестно.
Наши песни услышав, иные запляшут,
Будут плакать иные, потом позабудут.
Этим песням звенеть и зимою и летом,
Голос сердца один, а само раскололось,
Чтобы верными быть научились мы оба.
Гневно сердце звенит, голос плачет напевно,
Нежность в песне слышна, а разлука безбрежна,
Плачет сердце моё, как ребёнок незрячий.
Вера вечно влечёт, вновь распахнуты двери,
Только путь предо мной, и прекрасный, и долгий.

* * *

Я не просил у вас пощады:
«Люблю врага, не обессудь»,
При встрече говорил: прощайте,
Прощая, видел вашу суть.

Не мелочны, и не корыстны,
Вы позабудьте обо мне,
Что стало пусто в этой жизни,
Чтоб вновь увидеть, обомлеть.

Ты тот ли? Я была слепою:
Труслив, я думала, ты смел.
Я просто не шутил с любовью,
Любил безмерно, как умел.

Я изменил свой облик бедный,
Позолотился мишурой,
Ты вновь слепа, обманом бредя,
Пойми, теперь лишь я чужой.

Слуга твоих былых сомнений,
Твоих пустых желаний раб,
Я знаю, образ твой изменит
Сверкающий любовью ямб.

И я увижу сон старинный,
Увижу счастье двух детей,
Срывающих под небом синим
Цветы безоблачных затей.

Нам годы принесли заботы,
Иными стали мы на вид,
Но только тот достиг свободы,
Кто знает тысячу обид.

Кто через годы испытаний
Сумел пройти и уцелеть,
И мелочность не запятнала,
И щедрости – не оскудеть.

* * *

Рука, ласкающая древо,
Коснулась сердца моего.
Закрыв глаза, могу представить
Что вечер этот – час свиданья
Моей любви, любви бессмертной
С далёкой юностью моей.
Рука ласкает наше счастье
И наше горе согревает
Пожатие руки надёжной,
Столь слабой, нежной и беззвучной,
Что может стать как бы кольчугой
Щитом для сердца моего.
Для сердца, что открыто бурям,
Что может плакать и смеяться.

Порой над радостью заплачу,
Порой смеюсь над жалким горем,
Пусть оно мне боль доставит,
Но память загубить бессильно.
А в памяти я вижу снова,
Как узкая ладонь девичья
Ласкает древо, словно брата.

* * *

Известно много граней мироздания,
Есть в жизни цель и достижение цели,
Природа и отдельно –человек,
Мечта о счастье и утрата счастья,
Что предпочесть, не спрашивай меня,
Предпочитай свободу – преступленью,
Которое свершают против блага
Всеобщего во имя блага личного,
Против людей свершают, против правды,
И неизбежно предают себя,
Свою мечту, свою свободу, грусть свою,
Свои потери, что дороже счастья.

* * *

Любят безраздельно, любят страстно – только ночью,
Преступленья страшные свершают только ночью,
Тишина необычайна,
 тишина царит над миром – только ночью,
Сердца стук безумный слышен – только ночью.

Не показывая врагов моих – устал их видеть,
Песней нежной лгать не надо – надоело,
Покажи хоть раз мне Друга – по друзьям тоскую,
Сделай то, чего хочу я, - буду счастлив.

Нет такого языка, чтобы всю печаль излил я,
Нет такого уголка, чтоб любовь не продавали,
Нет такой страны на свете, где б о родине забыл я,
Но таким презреньем дома, только дома наделяют.

Когда устанет сердце биться,
 когда в борьбе я стану слабым,
Ты утешь меня надеждой, песни пой, дурмань обманом,
Но потом опять воспряну, позабуду раны в сердце,
Выйду в бой как будто прежде никогда убитым не был.

В сутки сотни раз меня предавали, били ложью,
Сотни раз швыряли грязью в утомлённое лицо,
Но меня хранили вечно от опасности безмерной
Лишь надежда, вера в правду, вера в истину и жизнь.

Убит солдат в борьбе за правду –
 придут иные, что сильнее,
Уходит день во мрак навеки, но будет много новых дней;
Скончалась жизнь, проходит всё,
 эпохи над землёй сменяя,
Но остаётся вечный бой за новый день, за человека.

* * *

Навстречу двери распахнули настежь
А он входить не хочет.
Все хором потчуют его: возьмите ж! нате ж!
Он лишь хохочет.

Пред носом двери затворили плотно,
Он тычет носом в дверь,
И к яствам рвётся бешеною плотью,
Как ярый зверь.

А кто-то рядом хладнокровной тушей
Не шелохнётся, как стена за вами,
Посмотрит если – только равнодушно,
А двигаясь - зевает.

Всё где-то зазывают, прогоняют,
Печалются, смеются, сводят счёты.
Тебя обидели? Иль, может, проклинаят?
Признайся: кто ты?

Сплетение привычек и пристрастий,
Единоборство цели и судьбы –
Я знаю, в жизни радость и несчастье
Во все века слепы.

* * *

Если в сердце нет любви,
Не тверди о ней словом незначущим.
Ложь и фальшь от рожденья глупы,
А лжецы затеряются в чаще.

Если сердце не знает тоски,
Слёз притворных не лей, не нужно:
Склеить двух мирозданий куски
Может только безмерно недужный.

Вдохновенья не познав,
Притворяться поэтом – надо ль?
Лицемерье – сосуд без дна,
Сгинут все, кто туда попадал.

* * *

О, нищие, скажите, кто подаст вам
В ваш чёрный день кусочек хлеба чёрного?
Лишь тот, кто не был слишком предан яствам
То к розам мира был прикован взор его.

Богатые, кто вам поможет в горе?
Когда ваш мёд отравой станет горькою?
Лишь тот, кто вверх карабкался по взгорью,
Довольствуясь водой и хлебной коркою.

И беднякам, и самым всемогущим
Поможет тот, кому во всём отказано:
По- своему произрастаем все мы в гуще
Лесов, где кто-то паутину ткал заноз.

Кто от рождения тянулся к звёздам,
Посмеет у гадюки вырвать жало,
Ведь всё, что человеческим зовётся,
Лишь человечность вечно выражала.

И если надо опуститься в бездну
Во имя блага, а не ради прихоти,
Я опускаюсь, но только ты мне честно
В грядущий мир окошко отопри хотя б.

* * *

На жизнь благословляю яд пьющего,
На смерть обрекаю дающего яд,
Потому что во имя грядущего
Зверством нельзя щеголять.

Взлетает соловей – послушай песнь его,
Но только сердцем слушать научись,

Чтоб в мире дня не выпадало пресного:
Познавший горечь, знаю, будет чист.

Кто боль терпел, пусть мучаясь, пусть нехотя,
Тому разгадки в жизни все даны,
И голова его блестит не перхотью,
А истинным сияньем седины.

Невзрачна женщина, но как волнует вид её,
Представь: русалка выплыла из волн,
Быть может станет встреча ядовитою,
Но сердцу в красоту уверовать позволь.

Коль всё, что делал ты, лишь дань довольствию,
За всё вознаграждаем сверх нужды,
Страх осенит дорогу в бездне звёзд твою,
Тревожен сон и дел прескверных жди.

Направь же лодку, мой Харон, на юг,
Чтоб дома засмеяться, охнуть: спать!...
Чтоб обрести за песней похоронную
Всё то, что может жечь и вдохновлять.

* * *

Под маскою Любою, в платье любой модели,
Сто париков смени, сотню навешай бус,
Если мне в сердце глаза твои посмотрели,
Всё же узнаю тебя, узнаю – не ошибусь.

Хоть назовёшься самым тёмным и страшным именем,
Всё – псевдонимы, а имя одно у тебя.
Это – Любимая, Пламя моё – вот именно:
Сердце горящее не для чего утеплять.

Поэма о Дербенте

I. Факт рожденья

Жил на свете мальчик молчаливый.
Взгляд поэта. Волосы темны.
День придёт, и станет он счастливым.
Вихрь времён. Пыль на путях земных.
С малых лет тянулся мальчик к звёздам,
Молоком казался лунный свет.
Лился, губы обжигая, острый воздух,
Падали слова ему вослед.
Мир томил великою загадкой,
В сотни лет её не разгадать:
Космоса незыблемы порядки,
Неизменен на земле адат.
Мальчика учил своим законам
Городок в подножье синих гор,
Но дитя в родном краю исконном
Прошлому пойдёт наперекор.
Много у людей чужих обличий,
Мёртвых мыслей и заёмных слов,
Так царил над городом обычай
Отдалённых и слепых веков.
«За тебя подумают, кто старше:
Ешь, работай и держись в тени...»
Мальчик молча, как солдат на марше,
Понял: обыватели – они.
Знает парень: есть достойней цели,
В будущем исполнится мечта.
Гуманизму преданный всецело
Каждый шаг свой песней отмечал.
Он не станет никогда героем,
Совесьть сбережёт не для афиш.
Но не будет путать жизнь с игрою,
Прячась за чужой спиной, какмышь.

Не пигмей, но и не долговязый,
Всем достойным восхищенья – брат,
Он себе не изменяет фразой,
Не жалеет для людей добра.
Только глупый сердца не оценит,
Лишь безумец отвечает злом.
Мир - для жизни. Как фальшива сцена!
Капли крови... Вечности излом.
Мальчик подрастает и мужает,
Я и сам, когда – то был таким:
Опасался, что змея ужалит,
И опять глотал в походе дым.
Как упрямо мы стремимся к цели,
Словно волки рвёмся вновь с цепи....
Мир подобен яркой карусели.
Факт рожденья своего цени.

2. Проповедь дербентского Муллы

Входите мусульмане в божий храм,
Чтоб приобщиться к истине безликой²,
В божественной, священной базилике²,
С души смывая свой дневной харам³.
Томятся души в тягостном плену
Земного праха, похоти телесной,
Забудьте ваши свадебные песни
И жёлтую от жадности жену.
Молитесь, кто сегодня обманул
Соседа, друга. Кто обманут – тоже,
Вновь снизойдёт всемилостивый боже,
За миг прощая целиком аул.
А завтра начинайте всё с нуля:
Обманывайте в счёт иной молитвы,
Грешите в мыслях, что острее бритвы,

² Базилика (*греч.*) – царский дом

³ Харам – грязное, греховное.

Твердите всем, что круглая Земля.
Да будь она хоть сотню раз круга,
Мне всё равно. Мне самому в коране
Известно много объяснений странных –
Канат вмещает тонкая игла,
Безумных сто сбывается затей.
Пусть я не верю – в том моя работа,
Врать вдохновенью до седьмого пота,
Всё делая наоборот затем.
Живите, как хотите, только мне
Мешать не надо и грехи скрывайте,
А главное подарками смывайте
И не держите на душе камней.
Я, впрочем, заболтался, доктора
Мне запретили, расшатались нервы.
Ведь я среди обманщиков не первый –
Великой лжи история стара.
Мне больше всех ли ложь моя нужна,
Не раз вы сами врали, мусульмане,
Ища дурман в божественном обмане...
Прощайте, заждалась моя жена....

3. Монолог дербентского раввина

Я Библию читаю сорок лет
И хоть бы слово разобрал в той книге,
Которой, мне сказали, лучше нет,
Она, твердят, излечивает мигом
От подлости, коварства и любви,
От лжи и даже от чрезмерной чести.
Мол, прозревают сразу, кто слепы...
И каждый слог в ней нужен и уместен.
Я сомневаюсь... Правда, иногда
Случаются невиданные вещи,
Хоть не взлетают в небо города,
Но самолеты – это, брат, похлеще.

Мне совестно взглянуть на прихожан,
Боюсь подвоха, чёткого вопроса,
А вдруг они разоблачат обман,
Но надо врать, хоть хлынет кровь из носа.
Мне кажется, не только я один,
Другие есть, хоть в дьявола поверят,
А в божество – никак. Добрались до глубин
И до вершин. Твердят: где зад, где перед?
Твердят: где дух? Куда девался он?
До космоса добрались – нет в помине,
Но в синагогу прут как на Сион,
Зачем? Ума не приложу поныне.
Мне кажется, пройдёт сто тысяч лет,
Изменятся и города, и страны,
Но ложь останется: приятен звон монет,
Я также проявлю свое старанье.

4. Признание дербентского попа

Мой долг, оправдывать оклад
И снова возвещать с амвона,
Как нам пророки жить велят
В пределах божьего закона.
За слово получу гроши,
Молчанием ведь сыт не будешь,
Мозги заблудших сторожи
И о своих грехах забудешь.
Склонили головы. Стоят.
Пустым словам безумно верят,
Богатым обещаю ад,
А работягам райский терем.
Я им твержу: вина не пей,
Но сам не упускаю случай,
Что ж я один из всех людей
/Подозреваю, что не лучший/.
Не надо слабых бить твержу,

Хотя довелось не раз мальчишек
Лупить /когда не услежу/
Из сада тащат что в излишек.
Прошу других от всей души
Не допускать в себе разврата
/Хотя болтай или пиши,
Ведь и моя не с краю хата/.
Я знаю, кто дурак иль мудр
Из этой беспокойной паствы,
По мне Коран или Талмуд
И Библия – одно лекарство.
Оно излечит дурака,
А умный только ухмыльнётся.
Всю ночь течёт во мгле река,
Грех сладок до восхода солнца.
Но как придумано хитро:
На всех не хватит наслаждений,
У каждого своё добро,
Своих привычек наважденье.
Я откусил свой скромный кус
От жизни пирога большого,
Но у меня отменный вкус,
Начинкой не прельщусь дешёвой.
Беру я, верно, тот кусок,
Что мой оставил прихожанин.
Его учил я, что не впрок
Достаток для того, кто жаден.

5. Запад и Восток

Между морем и горами,
Между севером и югом,
Между древностью седой
И великим новым днём,
Там, где волны Каспий катит,
Там, где встретились друг с другом

Запад и Восток древнейший
Город выжил под огнём.
Шли в поход на север персы,
Строя крепости повсюду,
И несли арабы грозно
На конце меча ислам,
И монголов тьмы катились,
В битвах исчезали люди,
И хазары бились злобно,
Мира страшен был бедлам.
Плыли северные судна
Под российским гордым флагом,
Здесь великий император
Принимал в подарок ключ,
Ключ серебряный огромный,
Вечной верности присяга,
Знак сердечности и дружбы
В час опасный чёрных туч.
Дети древнего Дербента,
Отпрыски времён зловещих
И сегодня населяют
Город славный и живой.
От вражды, кровопролитья
/Крови рад лишь ворон вещей/
Встал мой город на просторе
Под небесной синевой.
Вера в дружеские руки,
Что не ведают обмана,
Что отбросили оружие
Ради братства всех племён,
Воцарится в сердце мира.
И в цепочке каравана,
Где смешались все наречья
Всех народов, всех времён,
Мой народ проходит гордо
Сквозь врагов бессильных орды

Там, вдали сияет свет
Гуманизма, ярче нет...

6. Итоги

Что доставалось людям без борьбы –
Веками гибли смелые рабы.

Что людям помогало в час беды?
Надежды золотистые цветы.

Все люди от рождения равны
И родине – все разные – нужны.

Желанье зла – лишь свойство подлеца,
Но трусость не стереть ему с лица.

Мы в вечной жажде дружбы и добра
Сны гуманизма видим до утра.

Нет, даже ночью не стихает бой
За право жить и быть самим собой.

Раздавит время тех, кто жаждет бед:
Мир, как невеста, будущим одет.

В далёком, сотворённом нами дне
Лишь правда и достоинство в цене.

Героев прошлого запечатлел гранит,
Но лучшее день завтрашний хранит.

7. Свет вдалеке

Поэма завершается, не зря
Я начал слово с образа мальчишки:
Ведь молодость для всех веков заря,
Надежда мира. Новых песен книжка,
Покуда не написанных, но есть
В душе его тех песен голос смутный
Желанье правды, и мужская честь,
И слабости пробел сиюминутный.
Я начал с мальчика, и снова предо мной
Его лицо, обветренные скулы.
Я знаю, что людей не обманули.

АЗАДЛУЪЕ ШОГЪИРИ

* * *

Хун туь гьисди гьирмизи,
У хосдени темизи.
Дуьл туь пури герме хун,
У гьувот доре э жун.
Тигьи месох э хори
Хун инсоне эз хари.
Уре офири худо,
Месох э хушьде хэто.

* * *

Шогьир сер гирде эз гуфоре
Дануьсде раче гофоре.
Оммо угьоре сохде бенд-
Кумек не бисдо эри ме Дербенд.
Гене э инжои хуней ме
Э инжо дори жун эй ме.
Чуь мигуи диеш – кидан
Нисе дануьсденуьм, гьисдуьм г'эмелдан.

* * *

Гьеммейки хосденуьт эз худо-
Ки пул,ки жунсогьи эри хуьшде.
Оммо ечиш нисди ю хуто,
Офирегор – е дуньере э тэхьно дошде.

* * *

Худо хосдени эз инсон
Шолуми э шегьер ве дигьбон.
Бугу гьемме рач э иловле,
Мозоллуь гердо чуькле ве келе.

* * *

Э кемсугиму кини тэхсир?
Худо нисоху инсоне есир.
Ю,одоми,э гьемме гьисди тэхсиркор
Э зобуни,ве хубиш менуьм,гу,бирор.

* * *

Бегем мибу кумеки шороб,
Хурдигеш туь е келе гьоб.
Эгьуьл одоми бие бу тиж
Коре сохдеки месох гьич тегьдиш.

* * *

Эвир себэхь бисдоге хэсд,
Воруш миев э пишнеи.
Дуьль одоми бисдоге расд,
Гьич нимуну э тешнеи.

* * *

Бегем энжэгь, ки гьисди игид,
Уре мигую мерд?
Бугу динж, пок, сокит,
Недугу кесе дерд.
Несоху э муьрдеш зобуни
Несоху г1уьломе темиз-тихьор,
Эри эн уш гьер дигьбони
Бие венуь э дуьл хуьшде едигор.

* * *

Одоми бисдоге гъоим,
Иму уре диеш миhoим.
Чуь де э дуьл ю? Тари чуьмгъо,
Лап лерзирени, те ме чарумо.
Чуьни, бирор? Чуь гирдей дуьлести?
Дирей, зимистуьш те эвир варасди.
Чуь дуьлести э сер туь гъемин диремо?
Е одоми,ме муьрде диремо.

* * *

Ме шасд сал сохдем гузет
Э бегъеме дуьруьсди.
Расди не дирем лезет,
Оммо гъемме варасди.
Чуь воисде одомире эз туь?
Хогъинире мисоху э тэхъной,
Оммо кишдире э туь мибестуь...
Ужиреи дуде тенбирэхъней.

* * *

Эри васал дуьлести
Хэр гъэлпе гирисди,
Э гъэд хэлгъ вокурди од –
Ме гъисдуьм эри эн у кор шогъод.
Воисдени темизи хэнде –
Пируьм эри зере вежеунде.

* * *

Еки рафдени э битехъэйму,
Екийге варафдени дуз э асму.
Чуь бидегъэти? Бегем иму
Ние хурденим е нун,е дерму?

* * *

Э хори мунде гьер миевгьо;
Эз хори нисе жуьмуьнде гьер гинэхь.
Веси, омбор дениширейм ховгьо,
Э пушой имуни дуразе нединже рэхь .

* * *

Эри чуь оморем э г1уьлом?
Ки зенди мере э товуши?
Эз рузгьой г1эили мундем хом,
Синемиш сохдем гьер гъэриши.

* * *

Э раче-бе-раче дуь эз еки
Поисдет муърдеи ве зиндегуни
Рафде эз буьзуьрге г1уьлом мивою ки
Нэг1, гьемме мивою зиндегуни.
Хьэлежигери инсон эз г1уьлуьм,
Ширини эри ю шевгьо ве рузгьо.
Белки меш е хэйли мимунум,
Минуьвуйсуйм диеш товушлуье ризгьо.
Эз терс генжирени инсон ичку,
Екем фурмуш сохдени гьовре,
Мунугу асму гье ковре.

* * *

Гъэл ги мере гъуьзургъуль
Моч сох мере эз дуьли.
Нивою мере гъэм суьрх ве пул,
Нибошум эри муьгъбет ме койли.

Туь мизигьи э бегъеме митебугъдош,
Сим-богъ мибу э зир пойтуь, духдер.
Энжэгъ э меревоз дуьлиехогъ бош,
Энжэгъ эри туь мибу и сер.

Эй,худо, сох метлеб мере э эвре,
Бошим иму мозоллуь тевесер.
Дениш чуь рачи асму ковре,
Веке эз сер туь шоле,бемзер.

* * *

Этте дире эз дур чи
Куьнд оморени буьлдурчин.
Хундени мэгIни гьер жиро
Эри недангъо ве хэргъо
Эри расуь э у тике...
Хэлгъэ мифурмуни текей?

* * *

Мибошим иму гъуьлуьмсуьз,
Гъишдге имуре худо.
Ниеру у э сер бонгъуз,
Диеш зиедие хэто.
Чуьни гъозор сал эри одоми,
Те гъиемет мун.
Мемирош туь эз некуми,
Тигъи мегердо хун.

* * *

Разинуъм,рачи лап суърх,
Оммо зиедтеи салгьой г1уьмуър.
Воисдге эз дуьлести сух,
Миев руз, мигуют : муър!
Ранггьой дунье, хьэсротуъм эришму,
Ини гьимет жендек ме.
Воисдениге рузгьоре бишмур,
Эгене гьэт бирени кемер.

* * *

Мозоле офди, бош инсон,
Э чол офдори, бош инсон.
Гуьлом эдей сухде, эгене,
Асмуш чарусдге, бош инсон.

СОДЕРЖАНИЕ

Вольные стихи (<i>на русском языке</i>)	3
Азадлуэ шогъири (<i>на языке горских евреев – джуури</i>)	121

Иосиф Бахшиев

Вольные стихи

Вёрстка и художественное оформление:
Шауль Симан-Тов

Печатается в авторской редакции.

Сборник подготовлен к изданию и выпущен
Центром сохранения и развития национальных традиций,
самобытности языка, культурного
и исторического наследия горских евреев «Sholumi»
при поддержке фонда «СТМЭГИ»

Подписано к печати: 21.03.2018
Гарнитура: Times

Отпечатанно в Израиле.

www.sholumi.com - sholumi@gmail.com

© Иосиф Бахшиев, 2018, Israel
© «Sholumi» 2018, Israel